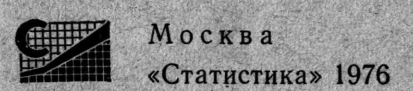
В. А. БОРИСОВ

ПЕРСПЕКТИВЫ РОЖДАЕМОСТИ

Москва
«Статистика» 1976

Б82 **Борисов В. А.** Перспективы рождаемости. М., «Статистика», 1976.
248 с.

В монографии дается в динамике уровень рождаемости в СССР, обобщаются результаты наиболее значительных исследований по изучению рождаемости, проведенных как у нас в стране, так и за рубежом, делается их критический анализ, рассматриваются вопросы методологии изучения рождаемости.

В книге показано, в результате каких факторов происходит снижение рождаемости в СССР и какие мероприятия следует провести, чтобы в далекой перспективе не произошло депопуляции.

Монография в основном предназначена для специалистов, занимающихся проблемами рождаемости, но будет интересна и читателям, интересующимся данной проблемой.

Б $\frac{10805-147}{008(01)-76}$ 28-76 312

ВВЕДЕНИЕ

Продолжает ли снижаться уровень рождаемости в нашей стране? Если да, то до каких пределов может происходить этот процесс? Каковы социальные последствия низкой рождаемости? Нужно ли стимулировать рождаемость или в этом нет никакой необходимости? Если рождаемость все же нуждается в стимулировании, то какими конкретными мерами можно достичь желаемого результата? Вот, пожалуй, главные вопросы, ответ на которые пытается дать та часть демографии, которая изучает рождаемость.

До сих пор среди демографов, и тем более среди экономистов, занимающихся проблемами народонаселения, нет единства в оценке перспектив рождаемости в нашей стране. Многие специалисты (пожалуй, даже большинство) считают естественным низкий уровень рождаемости и поэтому не считают возможным принимать какие-либо меры к ее повышению. Другая часть демографов (к которой принадлежит и автор этой книги) высказывает беспокойство в связи со снижением рождаемости в нашей стране.

Нам же кажется, что во всякой науке беспокойство всегда более полезно и в конечном счете более продуктивно, чем радужная уверенность в том, что «все и без нас обойдется».

Это тем более относится к изучению демографических процессов, обладающих большой инерцией во времени. В демографии счет времени идет не на года, а на поколе-

ших и не состоявших в браке) составляла по данным обследования ЦСУ СССР 1967 г. среди рабочих и служащих в среднем 11,3% (для когорт 1923—1927 гг. рождения) [1].

Таблица 3

Инфертильность в семьях рабочих и служащих в зависимости от возраста вступления женщин в брак и продолжительность брака (обследование ЦСУ СССР 1967 г.) *

Продолжительность брака к моменту обследования, лет	Ориентировочные годы вступления в брак	Доля не имевших рождений (в %) среди вступивших в брак в возрасте		
		15—21 года	22—29 лет	во всех возрастах
10—14	1953—1957	3,1	5,4	5,4
15—29	1948—1952	2,9	5,8	5,0
20—24	1943—1947	2,9	6,1	4,8
25 и более	1942 и ранее	3,6	7,2	4,5

* Включены женщины, состоящие в первом браке до момента обследования.
Источник. *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР, с. 91.

Все эти результаты представляют, безусловно, большой научный интерес, но они явно недостаточны для оценки влияния бесплодия и пониженной плодовитости на рождаемость и репродуктивное поведение.

Влияние мертворождений и спонтанных абортов. Мертворождения и спонтанные аборты [2], не отражаясь в числе родившихся и умерших, увеличивают величину интервалов между живорождениями и тем самым оказывают некоторое влияние на уровень рождаемости. Число мертворождений и спонтанных абортов находится под воздействием сложного взаимодействия как социальных факторов (уровень жизни и медицинского обслуживания, доход семьи, уровень культуры, брачное состояние женщины и т. д.), так и биологических (возраст и конституция тела матери, число предшествующих родов и абортов и т. п.).

[1] *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР, с. 88.

[2] Используемый по традиции термин «выкидыш» является, по мнению экспертов ВОЗ, устаревшим и не рекомендуется для использования в научной литературе. Взамен ими предлагается термин «спонтанный (самопроизвольный) аборт» («Spontaneous and Induced Abortion», Report of a WHO Scientific Group. Geneva, 1970, p. 9).

На показатели мертворождаемости и спонтанных абортов в какой-то мере влияет и степень легализации искусственных абортов: там, где они запрещены, в число мертворождений и спонтанных абортов непременно попадает часть нелегальных искусственных абортов. Даже в странах с терпимым отношением законодательства к производству искусственных абортов какая-то часть их по различным мотивам производится подпольно и лишь частично отражается в статистике абортов (и искусственных, и спонтанных). Например, К. Ваха обратил внимание на то, что в те годы, когда в Чехословакии уменьшалось число абортов по заявлению женщин (из-за некоторых административных препятствий), увеличивалось число спонтанных абортов [1].

По определению ВОЗ под мертворождением понимается смерть плода до его полного отделения или извлечения из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности. Таким образом, это определение охватывает все внутриутробные смерти — мертворождения и аборты (спонтанные и искусственные).

В большинстве стран к мертворожденным относятся дети, родившиеся после 28 недель беременности (в США — после 20 недель), без признаков жизни. В некоторых странах к мертворожденным относятся и дети, родившиеся живыми, но умершие в первые 24 ч после рождения (Польша) или до регистрации живорождения (Алжир, Греция, Франция, Люксембург, Испания, Марокко).

Существуют различия и в методах расчета показателей, которые затрудняют международные сравнения уровней мертворождаемости, а иногда делают их невозможными. Кроме того, регистрация мертворождений в большинстве стран не охватывает всех случаев. Но все же, по-видимому, можно считать, что уровень мертворождаемости в экономически развитых странах составляет примерно 1—2% числа родившихся.

Случаи внутриутробной смерти плода, происшедшие ранее 28-й (в некоторых странах — 20-й) недели беременности, относятся к спонтанным (самопроизвольным) абортам. В СССР спонтанные аборты учитываются в об-

[1] *Vacha K.* Důsledky zákona o umělém přerušení těhotenství. — «Demografie», 1970, № 1, s. 48—53.

Полученное в нижней строке табл. 6 распределение минимальных возрастных коэффициентов брачной рождаемости очерчивает пограничную кривую гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР). *Ниже этой границы уровень брачной рождаемости может опуститься под влиянием только 4 причин: недоучета числа родившихся; высокой доли бесплодных супругов; высокой доли раздельно живущих супругов и, наконец, намеренного ограничения рождаемости в браке.*

Наложив затем полученные возрастные коэффициенты ГМЕР на фактическую брачно-возрастную структуру женского населения в репродуктивном возрасте, можно получить предельно низкие гипотетические специальные и общие коэффициенты естественной рождаемости для реального конкретного населения и конкретного периода времени. Для сравнения фактических показателей рождаемости с гипотетическими показателями естественной рождаемости наиболее наглядными и в большинстве случаев вполне достаточными будут общие коэффициенты (т. е. в расчете на 1000 человек всего населения). Расчет может вестись несколькими способами в зависимости от характера исходных данных.

Если известны возрастная структура замужних женщин и распределение живорожденных в браке по возрасту матерей (за период, на середину которого приходится возрастная структура замужних женщин), то общий коэффициент ГМЕР можно рассчитать следующим образом. Перемножив числа замужних женщин на соответствующие минимальные возрастные коэффициенты естественной рождаемости (принимаемые за стандарт) и сложив произведения, получаем в сумме гипотетическое число родившихся у замужних женщин в возрасте 20—49 лет.

Иначе говоря, мы получаем число детей, которое как минимум непременно родилось бы у замужних женщин 20—49 лет, если бы не ограничивалось искусственно. Поскольку модель естественной рождаемости ограничена возрастным интервалом 20—49 лет, необходимо отдельно решить вопрос относительно числа родившихся вне брака и у матерей моложе 20 и старше 49 лет. Наиболее верным представляется оставить фактическое число неизменным (т. е. считать, что число родившихся вне брака и у матерей моложе 20 и старше 49 лет в условиях естественной рождаемости было бы таким же, каким оно и есть фактически).

Получить это число можно как разность между общим фактическим числом родившихся и числом родившихся у замужних женщин в возрасте 20—49 лет. Прибавив эту разность к гипотетическому числу родившихся у замужних женщин в возрасте 20—49 лет при условии естественной рождаемости, получаем общее гипотетическое минимальное число живорожденных. Остается только разделить этот итог на среднюю (для данного расчетного периода времени) численность населения и мы получим общий коэффициент ГМЕР. Этот способ расчета можно представить в виде формулы

$$n^{\text{ГМЕР}} = \frac{\sum_{20}^{49} W_x^m \cdot 0{,}001 \cdot F_x^0 + \left(N - \sum_{20}^{49} N_x^m\right)}{\bar{S}} \cdot 1000,$$

где $n^{\text{ГМЕР}}$ — общий коэффициент ГМЕР;

F_x^0 — минимальные возрастные коэффициенты брачной естественной рождаемости (стандарт);

N — общее фактическое число родившихся;

N_x^m — фактическое число родившихся в браке у матерей в возрасте x;

W_x^m — число замужних женщин в возрасте x;

$\bar{S}$ — средняя численность населения.

Второй способ расчета можно использовать в том случае, если известны возрастные коэффициенты брачной рождаемости и распределение живорожденных в браке по возрасту матерей. Этот способ отличается от первого только предварительным нахождением числа замужних женщин в возрасте x. Его можно выразить в виде следующей формулы:

$$n^{\text{ГМЕР}} = \frac{\sum_{20}^{49} \frac{N_x^m \cdot 0{,}001 \cdot F_x^0}{0{,}001 \cdot F_x^m} + \left(N - \sum_{20}^{49} N_x^m\right)}{\bar{S}} \cdot 1000,$$

где F_x^m — фактические возрастные коэффициенты брачной рождаемости.

Наконец, третий, самый грубый способ расчета можно использовать, если в распоряжении исследователя

имеются только данные о возрастном составе замужних женщин (по переписи населения или расчетные). В этом случае, перемножив числа замужних женщин по пятилетним возрастным группам на соответствующие минимальные возрастные коэффициенты брачной естественной рождаемости, получаем гипотетическое число живорожденных в браке у матерей в возрасте 20—49 лет, которое как минимум родилось бы у этих женщин при условии естественной рождаемости.

Несколько сложнее в этом случае решается вопрос о числе родившихся вне брака и у матерей моложе 20 и старше 49 лет. В каждом конкретном случае здесь может быть принята та или иная гипотеза. Рассчитанная нами доля родившихся вне брака и у матерей моложе 20 и старше 49 лет по 32 экономически развитым странам в 1960-х гг. составила в среднем 11,5±1,8% фактического общего числа живорожденных, или 6% по отношению к гипотетической сумме живорожденных в браке у матерей в возрасте 20—49 лет. Увеличив гипотетическую сумму родившихся в браке у матерей в возрасте 20—49 лет на 6%, получим общее гипотетическое число живорожденных. Затем обычным порядком, путем деления полученного итога на среднюю численность всего населения, находим общий коэффициент ГМЕР. Этот способ расчета можно выразить следующей формулой:

$$n^{\text{ГМЕР}} = \frac{1{,}06 \cdot \sum_{20}^{49} W_x^m \cdot 0{,}001 \cdot F_x^0}{\overline{S}} \cdot 1000.$$

Сочетание двух общих коэффициентов — фактической и естественной рождаемости (ГМЕР) — позволяет, думается, решить спор о роли факторов структуры и факторов поведения на количественной основе, а также открывает интересные возможности для простого и наглядного сравнительного анализа. При этом то, что обычно является недостатком общего коэффициента (его обобщенность), становится его преимуществом. Коэффициент ГМЕР одним числом характеризует брачно-возрастную структуру населения с точки зрения социально-биологического потенциала рождаемости, а величина отклонения фактического уровня от естественного минимума (конкретного в каждом отдельном случае) дает

хотя и приближенное, но вполне реальное представление о степени реализации потенциала рождаемости.

Коэффициенты ГМЕР сопоставимы и пригодны для территориальных и динамических сравнений. Так, увеличение или уменьшение коэффициента ГМЕР свидетельствует об улучшении или ухудшении брачно-возрастной структуры с точки зрения потенциала рождаемости. Величина отклонения фактического коэффициента рождаемости от ГМЕР также является показателем, пригодным для территориальных и динамических сравнений, поскольку является показателем, стандартизованным дважды: и по плодовитости, и по брачно-возрастной структуре репродуктивного контингента женщин.

В тех случаях, когда учет рождений достаточно полный, а величина бесплодия и длительных разлук супругов незначительна, этот показатель может быть назван коэффициентом *минимума намеренного ограничения рождаемости (МНОР)*. Правда, абсолютная величина коэффициента МНОР в какой-то степени зависит от абсолютной величины фактических и гипотетических коэффициентов рождаемости. Поэтому для территориальных сопоставлений, пожалуй, более пригодны относительные показатели степени реализации ГМЕР, которые рассчитываются как отношение общего коэффициента рождаемости к коэффициенту ГМЕР и выражаются в процентах.

Посмотрим теперь, как «работает» коэффициент ГМЕР. В табл. 7 представлены результаты расчетов коэффициентов ГМЕР по многим странам мира. Для большинства стран, представленных в таблице, коэффициенты ГМЕР рассчитаны вторым способом (для ГДР, Румынии, Италии и АРЕ — третьим способом). Страны в таблице расположены в порядке возрастания относительного показателя степени реализации ГМЕР (последняя графа таблицы).

Анализ данных табл. 7 приводит к ряду выводов. Прежде всего, неограниченную, вернее, почти неограниченную рождаемость (и, по-видимому, достаточно полный учет рождений) можно констатировать в трех районах: Юго-Западная Африка (африканское население), Восточное Самоа и Реюньон, т. е. там, где фактический уровень рождаемости превышает свой естественный минимум.

Таблица 7

Фактический уровень рождаемости и ГМЕР в некоторых странах мира

	Годы	%			Относительная степень реализации ГМЕР $\left(\frac{ОКР}{ГМЕР} \cdot 100\right)$
		ОКР	ГМЕР	(ОКР—ГМЕР) (—1)*	
А	1	2	3	4	5
Румыния	1965—1966	14,5	54,5	40,0	26,6
Венгрия	1963	13,1	48,6	35,5	27,0
Болгария	1965—1966	15,1	55,0	39,9	27,5
ГДР	1966—1967	15,3	46,1	30,8	33,2
Западный Берлин *	1963	11,9	35,1	23,2	33,9
Чехословакия	1961	15,8	45,3	29,5	34,9
Люксембург	1960	16,0	43,0	27,0	37,2
Швеция	1963	14,8	38,9	24,1	38,0
Япония	1960	17,2	43,0	25,8	40,0
Бельгия	1961	17,3	42,7	25,4	40,5
Дания	1963	17,6	42,1	24,5	41,8
Греция	1961	17,9	42,0	24,1	42,6
ФРГ	1963	18,5	43,1	24,6	42,9
Англия и Уэльс	1964	18,5	42,4	23,9	43,6
Италия	1965—1966	19,1	43,6	24,5	43,8
Норвегия	1960	17,3	38,5	21,2	44,9
Франция	1963	18,2	40,1	21,9	45,3
Алжир (европейское население)	1955	18,7	40,7	22,0	45,9
Швейцария	1960	17,6	38,1	20,5	46,2
Финляндия	1963	18,1	39,1	21,0	46,3
Польша	1960	22,3	47,3	25,0	47,1
Австрия	1961	18,6	38,8	20,2	47,9
Шотландия	1964	20,0	41,1	21,1	48,7
США	1960	23,7	46,9	23,2	50,5
Австралия	1961	22,8	44,6	21,8	51,1
Нидерланды	1963	20,9	39,2	18,3	53,3
Южно-Африканская Республика (европейское население)	1960	24,8	45,5	20,7	54,5
Испания	1960	21,8	39,1	17,3	55,8
Канада	1961	26,0	45,5	19,5	57,1
Португалия	1960	24,2	41,5	17,3	58,3
Юго-Западная Африка (европейское население)	1960	30,3	51,2	20,9	59,2
Новая Зеландия	1961	27,1	45,2	18,1	60,0
Новая Гвинея (европейское население)	1961	29,0	48,0	19,8	60,4

* Имеет особый статус.

Продолжение

	Годы	%			Относительная степень реализации ГМЕР $\left(\frac{ОКР}{ГМЕР} \cdot 100\right)$
		ОКР	ГМЕР	(ОКР—ГМЕР) (—1)*	
А	1	2	3	4	5
Филиппины	1960	29,6	46,6	17,0	63,5
Мальта	1958	26,5	36,1	9,6	73,4
Бенин (африканское население)	1961	54,0	67,6	13,6	79,9
Гуам	1960	36,7	44,2	7,5	83,0
Ирландия	1961	21,2	25,5	4,3	83,1
Гвинея (африканское население)	1955	62,0	73,9	11,9	83,9
Чили	1960	35,7	42,5	6,8	84,0
АРЕ	1960	43,1	48,1	5,0	89,6
Панама	1960	40,8	45,5	4,7	89,7
Гваделупа	1961	35,7	37,7	2,0	94,7
Сальвадор	1962	48,4	50,5	2,1	95,8
Мартиника	1961	36,3	37,9	1,6	95,8
Гренландия	1960	48,6	50,6	2,0	96,0
Юго-Западная Африка (африканское население)	1960	46,2	45,9	—0,3	100,7
Восточное Самоа	1960	42,9	41,6	—1,3	103,1
Реюньон	1961	43,9	42,0	—1,9	104,5

* Отклонение фактического уровня рождаемости от ГМЕР в графе 4 показывается с обратным знаком, чтобы избежать большого числа знаков минус.

Страны Латинской Америки (Панама, Гваделупа, Сальвадор, Чили), АРЕ, Гренландия и ряд других имеют уровень рождаемости, близкий к естественному минимуму, но все-таки несколько ниже. Конкретный анализ по каждой стране может показать, какие из четырех факторов в какой степени обусловливают разницу между фактическими и гипотетическими показателями рождаемости в этих странах (такой анализ не входит сейчас в задачу автора). Даже максимальные фактические коэффициенты рождаемости в Бенине (54,0‰) и в Гвинее (62,0‰) оказались значительно ниже своих естественных минимумов (соответственно 67,6 и 73,9‰). По-видимому, в данном случае разница обусловлена в основном недоучетом числа рождений и, возможно, высокой

долей бесплодия. Но, несомненно, влияют и социальные факторы, ограничивающие рождаемость [1].

Во всяком случае, главное, на что хотелось бы здесь обратить внимание, — это то, что, какая бы ни была высота общих коэффициентов рождаемости, сама по себе она не свидетельствует о степени реализации социально-биологического потенциала рождаемости. Это особенно хорошо видно на примере Ирландии. Хотя фактический коэффициент рождаемости в Ирландии в 1961 г. составлял 21,2‰, что соответствует среднему уровню для стран с широким распространением внутрисемейного ограничения рождаемости, необычайно низкий коэффициент ГМЕР, превышающий фактический уровень всего на 4,3‰, показывает, что в данном случае уровень рождаемости почти целиком определяется особенностями брачно-возрастной структуры населения. Степень внутрисемейного ограничения рождаемости в Ирландии такая же, как в африканских и латиноамериканских странах, хотя фактический общий коэффициент рождаемости вдвое ниже. Если бы брачно-возрастная структура населения Ирландии была бы такая же, как, например, в Болгарии, то коэффициент рождаемости в Ирландии в 1961 г. мог бы составлять 50,7‰ (55,0‰ — 4,3‰).

Если имеются данные о возрастной брачной рождаемости за ряд лет, можно с помощью коэффициентов ГМЕР показать изменение потенциала рождаемости и степени его ограничения за любой соответствующий этим данным период. Такая динамика показателей за ряд лет по отдельным социалистическим и капиталистическим странам представлена в табл. 8.

Так, в Болгарии до 1955—1958 гг. происходило улучшение брачно-возрастной структуры населения (и городского, и сельского), на что указывает рост величины ко-

[1] Правда, нужно иметь в виду, что принятые в модели ГМЕР критические значения вероятностей V_2, V_3 и периодов стерильности t_2, t_3 не совсем пригодны для стран с очень высокой рождаемостью и соответственно высокой мертворождаемостью и младенческой смертностью. Коэффициенты ГМЕР для Бенина и Гвинеи в какой-то степени завышены (поскольку завышена вероятность живорождения V_2) и одновременно занижены (поскольку завышен период t_2). Думается, не так трудно проанализировать и установить, в какой степени эти противоположные факторы перекрывают друг друга и что же остается в результате. Нетрудно также скорректировать модель. Однако сейчас это не входит в тему данной книги.

эффициента ГМЕР. Затем в первой половине 1960-х гг. брачно-возрастная структура населения несколько ухудшилась (с точки зрения потенциала рождаемости). Различия между городским и сельским населением как в величине потенциала рождаемости, так и в степени его ограничения невелики на протяжении длительного периода времени, хотя, конечно же, в сельской местности степень ограничения рождаемости неизменно была меньше, чем в городах.

Таблица 8

Динамика ОКР и ГМЕР в некоторых социалистических и капиталистических странах

	Годы	ОКР	ГМЕР	(ОКР—ГМЕР) (—1)	Относительная степень реализации ГМЕР $\left(\frac{ОКР}{ГМЕР}\cdot 100\right)$
Болгария (все население)	1925—1928	35,2	51,5	16,3	68,3
	1933—1936	27,9	53,6	25,7	52,1
	1945—1948	24,6	54,4	29,8	45,2
	1955—1958	19,0	56,7	37,7	33,5
	1965—1966	15,1	55,0	39,9	27,5
городское население	1925—1928	26,4	48,9	22,5	54,0
	1933—1936	20,2	48,6	28,4	41,6
	1945—1948	23,1	50,9	27,8	45,4
	1955—1958	17,4	58,9	41,5	29,5
	1965—1966	15,1	58,5	43,4	25,8
сельское население	1925—1928	37,4	52,2	14,8	71,6
	1933—1936	30,0	55,0	25,0	54,5
	1945—1948	25,1	55,5	30,4	45,2
	1955—1958	19,8	55,6	35,8	35,6
	1965—1966	15,2	51,8	36,6	29,3
Венгрия	1960	14,7	49,1	34,4	29,9
	1961	14,0	49,0	35,0	28,6
	1962	12,9	49,2	36,3	26,2
	1963	13,1	48,6	35,5	27,0
	1964	13,1	48,9	35,8	26,8
	1965	13,1	48,5	35,4	27,0
	1966	13,6	48,5	34,9	28,0
	1967	14,6	48,8	34,2	29,9
	1968	15,1	48,8	33,7	30,9
	1969	15,0	48,8	33,8	30,7
	1970	14,7	48,7	34,0	30,2
	1971	14,6	48,7	34,1	30,0
	1972	14,7	48,8	34,1	30,1
	1973	15,0	49,0	34,0	30,1

Продолжение

	Годы	ОКР	ГМЕР	(ОКР—ГМЕР) (—1)	Относительная степень реализации ГМЕР $\left(\frac{\text{ОКР}}{\text{ГМЕР}} \cdot 100\right)$
Чехословакия	1961	15,8	45,3	29,5	34,9
	1967	15,1	45,9	30,8	32,9
Австралия	1961	22,8	44,6	21,8	51,1
	1966	19,3	44,2	24,9	43,7
Австрия	1961	18,6	38,8	20,2	47,9
	1968	17,1	40,4	23,3	42,3
Англия и Уэльс	1964	18,5	42,4	23,9	43,6
	1968	17,1	42,8	25,7	40,0
Бельгия	1961	17,3	42,7	25,4	40,5
	1970—1971	14,7	41,4	26,7	35,5
Дания	1963	17,6	42,1	24,5	41,8
	1966	18,4	43,4	25,0	42,4
Ирландия	1961	21,2	25,5	4,3	83,1
	1966	21,6	26,6	5,0	81,2
Нидерланды	1963	20,9	39,2	18,3	53,3
	1968	18,6	41,1	22,5	45,3
	1971	17,2	41,9	24,7	41,1
Финляндия	1963	18,1	39,1	21,0	46,3
	1967	16,5	39,9	23,4	41,4
Франция	1963	18,2	40,1	21,9	45,4
	1967	16,9	40,4	23,5	41,8
	1971	16,7	40,2	23,5	41,5
ФРГ	1963	18,5	43,1	24,6	42,9
	1967	17,3	42,6	25,3	40,6
	1970	13,4	43,2	29,8	31,0

Рассчитано по: «Demographic Yearbook» за 1965 и 1969 гг. и национальным статистическим ежегодникам за соответствующие годы.

Другими словами, рождаемость сельского населения Болгарии выше, чем городского, в то время как общие коэффициенты рождаемости городского и сельского населения почти одинаковы (в 1965—1966 гг. соответственно 15,1 и 15,2‰). Нужно отметить также, что до второй мировой войны потенциал рождаемости в селах Болгарии был выше, чем в городах, а после войны соотношение изменилось: демографическая структура городского населения стала более благоприятной для рождаемости, чем сельского.

На примере Венгрии имеется возможность наблюдать изменение ситуации в каждом году с 1960 по 1973 г.

В 1962 г. общий коэффициент рождаемости в Венгрии был самым низким в мире. В то же время и потенциал рождаемости и степень его ограничения были самыми высокими. Затем началось постепенное повышение общего коэффициента рождаемости, вопреки некоторому ухудшению брачно-возрастной структуры населения (до 1966 г.). В результате наблюдается уменьшение разности между ГМЕР и ОКР, т. е. уменьшение степени намеренного ограничения рождаемости (и, наоборот, увеличение степени реализации ГМЕР) вплоть до 1968 г. Отсюда можно констатировать, что с 1963 по 1968 г. в Венгрии происходило повышение рождаемости за счет повышения интенсивности деторождения, а не за счет изменений в демографической структуре населения (правда, это повышение могло быть и результатом изменений в величине интервалов между рождениями детей). С 1969 по 1973 г. степень реализации ГМЕР в Венгрии стабилизировалась на уровне примерно 30%.

Можно видеть, что в большинстве из представленных в таблице стран степень намеренного ограничения рождаемости увеличилась, а степень реализации социально-биологического минимума рождаемости понизилась независимо от характера динамики грубого показателя рождаемости. Например, в Ирландии за период с 1961 по 1966 г. повысились и общий коэффициент рождаемости и коэффициент ГМЕР, но последний в большей степени. Поскольку при этом степень реализации ГМЕР понизилась, можно констатировать, что в действительности рождаемость в Ирландии медленно снижается при улучшении брачно-возрастной структуры населения.

Для нашей страны показатели ГМЕР рассчитаны по данным переписей населения 1959 и 1970 гг. о возрастной структуре замужних женщин, т. е. третьим способом. Так как переписи населения в нашей стране проводятся на начало года, то показатели рождаемости (и ОКР и ГМЕР) рассчитаны как средняя за двухлетний период. Эти показатели представлены в табл. 9. Союзные республики расположены в таблице в порядке возрастания показателя относительной степени реализации ГМЕР за 1969—1970 гг. Данные таблицы наглядно показывают, за счет каких факторов сложился тот или иной уровень рождаемости. Особенно это заметно было в 1958—1959 гг. Так, например, в то время как фактический коэффициент

рождаемости в Молдавской ССР (31,2‰) намного превышал соответствующий показатель в Литовской ССР (22,8‰), разница в относительной степени реализации ГМЕР была небольшой (соответственно 59,4 и 51,5%). Следовательно, разница в общих коэффициентах рождаемости в Молдавии и Литве в 1958—1959 гг. была в основном следствием только различий в брачно-возрастной структуре населения.

Таблица 9

Фактический уровень рождаемости и ГМЕР в СССР и союзных республиках в 1958—1959 и 1969—1970 гг., ‰

	Годы	ОКР	ГМЕР	(ОКР—ГМЕР) (—1)	Относительная степень реализации ГМЕР $\left(\frac{\text{ОКР}}{\text{ГМЕР}} \cdot 100\right)$
СССР	1958—1959	25,2	49,3	24,1	51,1
	1969—1970	17,2	46,8	29,6	36,8
РСФСР	1958—1959	23,9	49,2	25,3	48,6
	1969—1970	14,4	47,2	32,8	30,5
Украинская ССР	1958—1959	21,0	48,8	27,8	43,0
	1969—1970	15,0	48,7	33,7	30,8
Латвийская ССР	1958—1959	16,7	45,5	28,8	36,7
	1969—1970	14,3	46,1	31,8	31,0
Эстонская ССР	1958—1959	16,6	45,4	28,8	36,6
	1969—1970	15,7	45,1	29,4	34,8
Белорусская ССР	1958—1959	25,6	46,9	21,3	54,6
	1969—1970	16,1	46,3	30,2	34,8
Литовская ССР	1958—1959	22,8	44,3	21,5	51,5
	1969—1970	17,5	46,3	28,8	37,8
Молдавская ССР	1958—1959	31,2	52,5	21,3	59,4
	1969—1970	19,2	47,5	28,3	40,4
Грузинская ССР	1958—1959	23,8	49,7	25,9	47,9
	1969—1970	19,0	46,5	27,5	40,9
Армянская ССР	1958—1959	40,7	52,1	11,4	78,1
	1969—1970	22,5	45,2	22,7	49,8
Казахская ССР	1958—1959	36,8	50,3	13,5	73,2
	1969—1970	23,4	46,5	23,1	50,3
Киргизская ССР	1958—1959	34,2	51,8	17,6	66,0
	1969—1970	30,3	42,4	12,1	71,5
Азербайджанская ССР	1958—1959	41,0	51,2	10,2	80,1
	1969—1970	29,3	40,9	11,6	71,6
Узбекская ССР	1958—1959	37,5	51,5	14,0	72,8
	1969—1970	33,2	40,9	7,7	81,2
Таджикская ССР	1958—1959	29,7	55,2	25,5	53,8
	1969—1970	34,8	41,8	7,0	83,3
Туркменская ССР	1958—1959	39,6	53,8	14,2	73,6
	1969—1970	34,8	41,4	6,6	84,1

В 1969—1970 гг. различия между этими двумя республиками и в фактических показателях и в величине потенциалов рождаемости значительно сократились. Причем если в Литовской ССР коэффициент ГМЕР за межпереписной период несколько возрос (с 44,3 до 46,4‰), то в Молдавской ССР коэффициент ГМЕР, напротив, значительно снизился (с 52,5 до 47,5‰). Иными словами, уменьшение различий в демографической структуре населения Молдавской и Литовской ССР (с точки зрения потенциала рождаемости) происходило при некотором улучшении брачно-возрастной структуры репродуктивного контингента женщин в Литовской ССР и ухудшении ее в Молдавской ССР. В то же время степень ограничения рождаемости в обеих республиках осталась почти одинаковой (вернее, увеличилась почти в одинаковой степени).

Сравнение коэффициентов ГМЕР показывает, что в целом по СССР потенциал рождаемости в 1969—1970 гг. несколько уменьшился по сравнению с 1958—1959 гг., а степень внутрисемейного ограничения рождаемости увеличилась. По союзным республикам характер динамики показателей был различным. Так, кроме Литовской ССР, несколько улучшилась демографическая структура населения также в Латвийской ССР. Почти не изменилась величина потенциала рождаемости в РСФСР, Украинской, Белорусской и Эстонской ССР. Следовательно, уменьшение фактического коэффициента рождаемости в этих республиках за межпереписной период произошло почти исключительно за счет увеличения степени намеренного ограничения рождаемости с помощью контрацепции и абортов.

Напротив, в республиках Средней Азии произошли большие изменения в брачно-возрастной структуре населения, на что указывает резкое снижение коэффициента ГМЕР. Если в 1958—1959 гг. потенциал рождаемости Среднеазиатских республик был самым высоким в СССР (максимум 55,2‰ в Таджикской ССР), то в 1969—1970 гг. он стал самым низким (минимум 40,9‰ в Узбекской ССР) [1].

[1] Такой характер изменения коэффициента ГМЕР обусловлен главным образом изменением удельного веса замужних женщин 20—49 лет во всем населении (коэффициент ранговой корреляции

Между прочим, в республиках Средней Азии за межпереписной период относительная степень реализации ГМЕР не снизилась, как во всех остальных республиках, а увеличилась. Это, казалось бы, свидетельствует о повышении рождаемости за счет сокращения степени внутрисемейного ограничения рождаемости. Однако такой вывод был бы ошибочным [1]. Конкретные исследования (результаты которых будут рассматриваться в дальнейших разделах книги) показывают, что влияние социальных факторов (например, таких, как индустриализация, урбанизация, рост образовательного уровня и социальной активности женщин и т. д.) оказывает на уровень рождаемости, в принципе, одинаковое по направлению влияние.

Таким образом, логичнее считать, что более высокая разница между ОКР и ГМЕР в республиках Средней Азии в 1958—1959 гг. по сравнению с 1969—1970 гг. не отражает истинной динамики степени внутрисемейного ограничения рождаемости вследствие существовавшего еще в то время в этих республиках некоторого недоучета рождений. И отсюда увеличение относительной степени реализации ГМЕР в республиках Средней Азии говорит не об увеличении рождаемости, а только об улучшении учета рождений.

Спирмэна между этими долями по переписи 1970 г. и соответствующими показателями ГМЕР составил +0,885).

По итогам переписи 1970 г. удельный вес замужних женщин 20—49 лет в населении был самым высоким на Украине (17,6%), в РСФСР (17,0%) и Молдавии (17,0%), а самый низкий — в Узбекистане (13,7%), Азербайджане (13,7%), Туркмении (13,8%) и Таджикистане (13,9%). Если за период между переписями 1959 и 1970 гг. доля замужних женщин в населении Украины, Белоруссии, РСФСР, Литвы, Латвии и Эстонии повысилась, то в республиках Средней Азии и в Азербайджане она заметно сократилась, что и явилось фактором сокращения коэффициента ГМЕР. Другим фактором было сокращение доли женщин 20—29 лет в составе замужних женщин 20—49 лет, которое произошло во всех союзных республиках, хотя и в разной степени. Противоречивое действие названных основных двух факторов привело к тому, что в одних республиках коэффициент ГМЕР изменился мало, в других — резко сократился (там, где оба фактора действовали однозначно).

[1] Хотя, возможно, некоторое повышение рождаемости в старших возрастных группах женщин могло происходить за счет сокращения смертности мужчин в репродуктивном возрасте и отсюда увеличение средней продолжительности периода брачной жизни в этом возрасте. При высоком желаемом числе детей в семье это обстоятельство может иметь значение.

Таким образом, использование показателя ГМЕР дает, как нам кажется, интересные возможности для простого и наглядного сравнительного анализа уровней рождаемости. Конечно, коэффициент ГМЕР — грубый показатель. Он предназначен только для самого первого подхода к ответу на вопрос о степени ограничения рождаемости. Однако это совсем не мало, если учесть, что до сих пор по вопросу о «стихийной» и «контролируемой» рождаемости среди специалистов бытует еще столько предрассудков, основанных на субъективных впечатлениях и эмоциях. Иметь в таком случае хоть какой-нибудь количественный ориентир представляется совершенно необходимым.

Для расчета коэффициента ГМЕР не требуется сложная вычислительная техника, что можно отнести к его достоинствам, поскольку еще не все исследователи и не всегда могут этой техникой располагать. Другим немаловажным достоинством показателя ГМЕР является также и то, что для его расчета требуется такой минимум статистических данных, который обычно имеется даже в самых скромных публикациях итогов переписей населения. Безусловно, методику расчета показателя ГМЕР можно и нужно совершенствовать далее, но сам принцип представляется нам полезным.

Прежде чем закончить эту главу, необходимо сказать об одном возможном недоразумении, могущем возникнуть при интерпретации показателя ГМЕР. Высокие коэффициенты ГМЕР свидетельствуют о громадном социально-биологическом потенциале рождаемости современного населения. Однако это совсем не означает, что такой высокий уровень рождаемости может выступать в качестве идеала, к которому стоит стремиться. Наоборот, высота коэффициентов ГМЕР в нашей стране говорит об объективной необходимости внутрисемейного ограничения плодовитости, которая в условиях низкой смертности превышает любые общественные потребности в воспроизводстве населения.

Рассмотрим динамику уровня рождаемости в нашей стране. При этом основное внимание будет уделено периоду после переписи населения 1970 г. Это вызывается рядом причин. Во-первых, динамика уровня рождаемости, его структура и факторы в нашей стране за длительный исторический период уже показаны в целом ряде работ, и прежде всего в книге Б. Ц. Урланиса «Рождаемость и продолжительность жизни в СССР» (М., 1963)[1]. Во-вторых, в последние 10 лет значительно расширились статистические публикации показателей рождаемости в региональном разрезе. Кроме того, в последнее десятилетие регистрация рождений в некоторых районах, а именно в республиках Средней Азии, достигла, по-видимому, достаточной полноты и показатели рождаемости этих республик начали отражать действительную картину.

Наконец, в-третьих, самое главное — сокращение уровня рождаемости в прошлом и теперь заслуживает разного подхода и разной оценки.

Сокращение рождаемости с высокого до среднего уровня вполне закономерно. Оно определяется не только изменением потребности семьи в детях (о чем речь пойдет позднее), но в значительной степени сокращением смертности, особенно детской. Ведь для семьи и общества в конечном счете имеет значение не число рождений само по себе, а число детей, которые вырастут взрослыми и сами станут родителями. Поэтому при анализе динамики уровня рождаемости важно учесть, что в этом аспекте рождаемость в нашей стране по сравнению с прошлым стала несравненно «экономичнее».

В дореволюционной России до среднего возраста родителей (примерно до 30 лет) доживало только 47,0% из числа родившихся[2]. Причем это средняя цифра только по европейской части России. В отдельных районах России смертность была значительно выше. Поэтому если родители желали иметь трех-четырех взрослых детей (которые могли бы кормить их в старости), то они были вынуждены рожать вдвое больше.

данном случае супружескими отношениями); общностью бюджета и совместностью проживания. Но это *неполная семья*.

[1] См. также: *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941; *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. М., 1956; *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР и др.

[2] См.: *Новосельский С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916, с. 131.

Таблица 10

Динамика показателей рождаемости СССР с учетом изменения уровня смертности

Годы	Общий коэффициент рождаемости	Коэффициент суммарной рождаемости	Вероятность дожития до 30 лет для новорожденных	Число детей, рожденных в среднем одной женщиной за всю жизнь и доживающих до среднего возраста родителей
1926—1927	44,4	5,383	0,627	3,375
1958—1959	25,2	2,810	0,910	2,557
1969—1970	17,2	2,389	0,938*	2,241
Отношение показателей:				
1958—1959 к 1926—1927 гг.	0,568	0,522		0,758
1969—1970 к 1926—1927 гг.	0,387	0,444		0,664
1969—1970 к 1958—1959 гг.	0,683	0,850		0,876

* В данном случае в качестве поправки на смертность принято не число живущих в возрасте 30 лет, а число доживающих до 30 лет из таблиц дожития 1968—1971 гг. Это вызвано тем, что таблицы дожития 1968—1971 гг. были опубликованы не полностью, по ним нельзя рассчитать число живущих L_x в возрасте 30 лет. Однако разница между L_x и l_x в этом возрасте очень мала и ею можно пренебречь.

Уже в 1926—1927 гг. уровень смертности в СССР значительно снизился, но все-таки еще более 1/3 новорожденных (37,3%) не доживало до 30 лет[1]. Даже в 1940 г. 18,1% новорожденных умирало на первом году жизни[2]. В последующие же два десятилетия, несмотря на последствия тяжелейшей войны, уровень младенческой смертности в нашей стране сократился более чем в 5 раз (со 181,5‰ в 1940 г. до 35,3‰ в 1960 г.), а затем через десятилетие — еще на 30%, достигнув 24,7‰ в 1970 г.[3]. Соответственно вероятность для новорожденного дожить до 30 лет повысилась до 91,0% в 1958—1959 гг. и до 93,8% в 1968—1971 гг.[4]. Таким образом, сегодня родители име-

[1] По таблицам дожития 1926—1927 для европейской части СССР (см.: Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926—1927. Таблицы смертности. М.—Л., 1930, с. 2.

[2] См.: Народное хозяйство СССР в 1973 г. М., 1974, с. 43.

[3] Там же, с. 43.

[4] По таблицам дожития 1958—1959 и 1968—1971 гг. (см.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том). М., 1962, с. 262; «Вестник статистики», 1974, № 2, с. 94.

ют возможность рожать детей не более того, сколько хотят их иметь[1].

Эти кардинальные изменения в смертности не могли не отразиться на динамике уровня рождаемости. Если учесть это, то снижение уровня рождаемости было менее значительным, чем об этом говорит простое сопоставление коэффициентов. Так, по сравнению с 1926—1927 гг. коэффициент суммарной рождаемости в СССР сократился к 1958—1959 гг. почти вдвое, на 48%, но с поправкой на изменение смертности — вдвое меньше, на 24% (табл. 10). В период между переписями 1959 и 1970 гг. значение такой поправки уже значительно уменьшилось. Коэффициент суммарной рождаемости за этот период уменьшился на 15%, а с поправкой на изменение смертности — на 12%.

Таблица 11

Динамика брутто- и нетто-коэффициентов воспроизводства населения СССР

Годы	Коэффициенты воспроизводства населения		Отношение нетто-коэффициента к брутто-коэффициенту
	брутто	нетто	
1926—1927	2,610	1,680	0,644
1938—1939	2,148	1,438	0,669
1958—1959	1,365	1,262	0,925
1961—1962	1,304	1,206	0,925
1962—1963	1,270	1,175	0,925
1963—1964	1,227	1,135	0,925
1964—1965	1,196	1,134	0,948
1965—1966	1,195	1,134	0,949
1966—1967	1,187	1,128	0,950
1967—1968	1,171	1,114	0,951
1968—1969	1,166	1,110	0,952
1969—1970	1,181	1,126	0,953
1970—1971	1,200	1,147	0,956
1971—1972	1,202	1,143	0,951
1972—1973	1,182	1,128	0,954
1973—1974	1,177	1,123	0,954

Источники: *Паевский В. В.* Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970, с. 106; «Вестник статистики», 1967, № 11; 1969, № 2; 1971, № 2; 1973, № 12; 1974, № 12; 1975, № 12. За 1973—1974 гг. — собственные расчеты.

[1] Теперь даже родители единственных детей не слишком, по-видимому, задумываются относительно вероятности остаться вдруг бездетными. И это хорошо, что они имеют возможность не думать о таком несчастье. Однако, к сожалению, как ни мала такая вероятность, она все же существует.

В значительной степени закономерным было и снижение нетто-коэффициента воспроизводства населения (табл. 11). Если бы этот показатель стабилизировался на уровне последних лет (и если бы от среднего уровня по СССР не было существенных региональных отклонений), то современный уровень рождаемости в нашей стране мог бы, вероятно, считаться вполне удовлетворительным. Но, во-первых, в том-то и вопрос — будет или не будет снижаться рождаемость далее? Во-вторых, средний уровень рождаемости по СССР складывается из ряда региональных уровней с чрезвычайно большим размахом вариации. В то время как в республиках Средней Азии и Азербайджане уровень рождаемости весьма высокий, в РСФСР, Украинской, Белорусской ССР и республиках Прибалтики уровень рождаемости низкий, с нетто-коэффициентом воспроизводства населения, близким к 1,0 или даже ниже (см. табл. 12).

Более дифференцированную (хотя и более грубую) оценку региональных различий в уровне рождаемости можно получить, сгруппировав население союзных республик без областного деления, краев и областей союзных республик с областным делением, автономных республик и областей по величине общего коэффициента рождаемости в соответствии с предлагаемой шкалой (табл. 13). Тогда можно видеть, что в 1973 г. районы, в которых проживает более половины населения СССР, имели низкий уровень рождаемости, в том числе в 39 из 71 административных единиц РСФСР (преимущественно в европейской части), в 19 из 25 областей Украины, в 5 из 6 областей Белоруссии, в Латвии и Эстонии. Районы, в которых проживает всего 7% населения (Средняя Азия) имеют высокий уровень рождаемости, который также нельзя признать удовлетворительным[1].

Правда, начиная с 1970 г. числа родившихся и коэффициенты рождаемости в нашей стране увеличились. Увеличились и средние по СССР коэффициенты воспро-

[1] В условиях развитого социализма высокий уровень рождаемости в республиках Средней Азии не может создавать проблем, подобных социально-экономическим проблемам в развивающихся странах. Но это не значит, что он не создает вообще никаких проблем. Высокая рождаемость в Средней Азии ведет, в частности, к ряду организационных проблем, быстрый рост населения и низкая миграционная подвижность коренного населения приводят к положительному сальдо миграции на довольно ограниченной территории региона.

Таблица 12

Динамика общих коэффициентов рождаемости и нетто-коэффициентов воспроизводства населения СССР и союзных республик *

	Общие коэффициенты рождаемости, ‰							Нетто-коэффициенты воспроизводства населения		
	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1958—1959 гг.	1969—1970 гг.	1972—1973 гг.
СССР	24,9	18,4	17,4	17,8	17,8	17,6	18,0	1,262	1,126	1,128
Латвийская ССР	16,7	13,8	14,5	14,7	14,5	13,9	14,2	0,879	0,911	0,937
РСФСР	23,2	15,7	14,6	15,1	15,3	15,1	15,6	1,186	0,934	0,936
Украинская ССР	20,5	15,3	15,2	15,4	15,5	14,9	15,1	1,042	0,960	0,965
Эстонская ССР	16,6	14,6	15,8	16,0	15,6	15,0	15,1	0,882	1,021	1,009
Белорусская ССР	24,4	17,9	16,2	16,4	16,1	15,7	15,8	1,253	1,092	1,074
Литовская ССР	22,5	18,1	17,6	17,6	17,0	16,0	15,8	1,183	1,109	1,079
Грузинская ССР	24,7	21,2	19,2	19,0	18,0	18,2	18,3	1,146	1,233	1,195
Молдавская ССР	29,3	20,4	19,4	20,2	20,6	20,4	20,4	1,570	1,190	1,205
Армянская ССР	40,1	28,6	22,1	22,6	22,5	22,1	21,9	1,990	1,488	1,388
Казахская ССР	37,2	26,9	23,4	23,8	23,5	23,2	24,1	1,947	1,559	1,526
Азербайджанская ССР	42,6	36,6	29,2	27,7	25,6	25,4	25,0	2,132	2,085	1,827
Киргизская ССР	36,9	31,4	30,5	31,6	30,5	30,6	30,5	1,909	2,231	2,175
Узбекская ССР	39,8	34,7	33,6	34,5	33,2	33,7	34,2	2,142	2,598	2,568
Таджикская ССР	33,5	36,8	34,8	36,8	35,3	35,6	37,0	1,693	2,657	2,661
Туркменская ССР	42,4	37,2	35,2	34,7	33,9	34,3	34,3	2,116	2,685	2,595

* Республики в таблице ранжированы по общему коэффициенту рождаемости в 1970 г. в порядке возрастания.

изводства населения. Но было бы ошибкой трактовать это повышение показателей как «повышение рождаемости», как долговременный перелом в репродуктивном поведении семей. Для такого перелома пока нет объективных оснований.

Таблица 13

Шкала общих коэффициентов рождаемости

Общий коэффициент рождаемости, ‰	Оценка уровня рождаемости	Доля населения СССР в 1973 г. с таким уровнем рождаемости, %
Ниже 16,0	Низкий	55,7
16,0—24,9	Средний	31,8
25,0—29,9	Выше среднего	5,5
30,0—39,9	Высокий	6,8
40,0 и выше	Очень высокий	0,2

Источник. *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, с. 9. Незначительные изменения сделаны с учетом сокращения уровня смертности за годы, прошедшие со времени издания его книги.

Прежде всего нужно иметь в виду, что в отмеченных выше республиках с низкой рождаемостью ситуация, в принципе, не изменилась. Повышение коэффициентов было кратковременным и незначительным. Уровень рождаемости или не достиг 16,0‰ (а коэффициента суммарной рождаемости — 2,1) или едва превысил границу простого воспроизводства. Кроме того, есть основания полагать, что и такое повышение коэффициентов рождаемости в 1970—1972 гг. было следствием только изменений в брачно-возрастной структуре населения и в интервалах рождений. В этом можно убедиться разными способами и, в частности, произведя стандартизацию коэффициентов рождаемости за этот период. Но, пожалуй, целесообразно сделать это по ходу анализа изменений в структуре уровня рождаемости по возрасту матерей и очередности рождений, а также изменений в демографической структуре населения.

Изменения в уровне рождаемости по возрасту матерей. Возрастные коэффициенты рождаемости, которые регулярно публикуются в нашей стране с 1962 г., дают лучшую возможность оценить уровень рождаемости по сравнению с грубыми показателями (общим и специальным коэффициентами рождаемости). Они мало зависят от осо-

бенностей возрастной структуры женского репродуктивного контингента, зато зависят от колебаний уровня брачности. Поэтому наиболее точными были бы возрастные коэффициенты брачной рождаемости, дифференцированные по возрасту вступления женщин в брак и по продолжительности брака, но такие показатели рассчитываются и публикуются пока только в немногих странах мира.

Менее всего зависимы от возрастной структуры коэффициенты, рассчитанные по одногодичным возрастным интервалам. Но обычно публикуются только коэффициенты по пятилетним возрастным интервалам, которые более компактно, но менее точно характеризуют возрастную структуру уровня рождаемости и ее изменения. Чаще всего эта неточность невелика, и пятилетние возрастные коэффициенты рождаемости позволяют рассчитать достаточно близкие к точным значения коэффициентов суммарной рождаемости и брутто-коэффициентов воспроизводства населения. Но в некоторые кратковременные периоды, если резко меняется структура внутри пятилетних возрастных групп, расхождения точных и приближенных показателей увеличиваются.

Анализируя динамику возрастных коэффициентов рождаемости целесообразно весь репродуктивный период разделить на три основных возрастных интервала, существенно различных и по величине показателей и по характеру их изменений: 15—19, 20—34 и 35—49 лет (табл. 14). Тогда отчетливо видно, что сокращение общей величины коэффициента суммарной рождаемости происходит в основном за счет сокращения числа рождений у женщин старших возрастных групп и соответственно рождений старших очередностей. Так, по сравнению с 1938—1939 гг. коэффициент суммарной рождаемости в СССР в 1973—1974 гг. был меньше на 45%. Но при этом в возрастной группе 20—34 года он уменьшился на 38%, а в группе 35—49 лет — на 72%. В то же время коэффициент рождаемости у женщин 15—19 лет был почти таким же, как и в 1938—1939 гг. Такой же характер имеет динамика возрастных коэффициентов рождаемости и по союзным республикам.

Рождения все более сосредоточиваются в возрастах моложе 35 лет. В настоящее время в СССР 80% всех рождений приходится на возрастную группу 20—34 года,

Таблица 14

Структура суммарных коэффициентов рождаемости в СССР и союзных республиках

Годы	Число детей, рожденных в среднем одной женщиной условного поколения, человек				Число детей, рожденных в среднем одной женщиной условного поколения, %			
	всего с 15 до 50 лет	в том числе в возрасте, лет			всего с 15 до 50 лет	в том числе в возрасте, лет		
		15—19	20—34	35—49		15—19	20—34	35—49
А	1	2	3	4	5	6	7	8
СССР								
1926—1927	5,372	0,181	3,764	1,427	100,0	3,4	70,1	26,5
1938—1939	4,401	0,164	3,143	1,094	100,0	3,7	71,4	24,9
1958—1959	2,810	0,146	2,186	0,478	100,0	5,2	77,8	17,0
1969—1970	2,389	0,152	1,903	0,334	100,0	6,3	79,7	14,0
1972—1973	2,433	0,162	1,950	0,321	100,0	6,7	80,1	13,2
1973—1974	2,412	0,167	1,937	0,308	100,0	6,9	80,3	12,8
РСФСР								
1958—1959	2,626	0,142	2,081	0,403	100,0	5,4	79,3	15,3
1969—1970	1,971	0,141	1,618	0,212	100,0	7,1	82,1	10,8
1972—1973	2,023	0,158	1,662	0,203	100,0	7,8	82,2	10,0
1973—1974	2,000	0,164	1,642	0,194	100,0	8,2	82,1	9,7
Украинская ССР								
1958—1959	2,296	0,140	1,867	0,289	100,0	6,1	81,3	12,6
1969—1970	2,044	0,166	1,692	0,186	100,0	8,1	82,8	9,1
1972—1973	2,083	0,183	1,711	0,189	100,0	8,8	82,1	9,1
1973—1974	2,044	0,187	1,678	0,179	100,0	9,1	82,1	8,8
Белорусская ССР								
1958—1959	2,795	0,081	2,224	0,490	100,0	2,9	79,6	17,5
1969—1970	2,298	0,098	1,916	0,284	100,0	4,3	83,4	12,3
1972—1973	2,284	0,118	1,917	0,249	100,0	5,2	83,9	10,9
1973—1974	2,233	0,122	1,876	0,235	100,0	5,5	84,0	10,5
Узбекская ССР								
1958—1959	5,044	0,192	3,283	1,569	100,0	3,8	65,1	31,1
1969—1970	5,636	0,209	3,860	1,567	100,0	3,7	68,5	27,8
1972—1973	5,669	0,200	4,008	1,461	100,0	3,5	70,7	25,8
1973—1974	5,706	0,200	4,078	1,428	100,0	3,5	71,5	25,0

Годы	Число детей, рожденных в среднем одной женщиной условного поколения, человек				Число детей, рожденных в среднем одной женщиной условного поколения, %			
	всего с 15 до 50 лет	в том числе в возрасте, лет			всего с 15 до 50 лет	в том числе в возрасте, лет		
		15—19	20—34	35—49		15—19	20—34	35—49
А	1	2	3	4	5	6	7	8
Казахская ССР								
1958—1959	4,462	0,242	3,227	0,993	100,0	5,4	72,3	22,3
1969—1970	3,307	0,150	2,525	0,632	100,0	4,5	76,4	19,1
1972—1973	3,319	0,144	2,568	0,607	100,0	4,3	77,4	18,3
1973—1974	3,313	0,148	2,574	0,591	100,0	4,5	77,7	77,8
Грузинская ССР								
1958—1959	2,587	0,111	2,043	0,433	100,0	4,3	79,0	16,7
1969—1970	2,616	0,172	2,138	0,306	100,0	6,6	81,7	11,7
1972—1973	2,572	0,162	2,129	0,281	100,0	6,3	82,8	10,9
1973—1974	2,577	0,167	2,140	0,270	100,0	6,5	83,0	10,5
Азербайджанская ССР								
1958—1959	5,005	0,215	3,461	1,329	100,0	4,3	69,1	26,6
1969—1970	4,633	0,204	3,358	1,071	100,0	4,4	72,5	23,1
1972—1973	4,132	0,120	3,115	0,897	100,0	2,9	75,4	21,7
1973—1974	4,035	0,112	3,078	0,845	100,0	2,9	76,2	20,9
Литовская ССР								
1958—1959	2,627	0,072	2,009	0,546	100,0	2,7	76,5	20,8
1969—1970	2,354	0,112	1,922	0,320	100,0	4,8	81,6	13,6
1972—1973	2,289	0,112	1,886	0,291	100,0	4,9	82,4	12,7
1973—1974	2,227	0,112	1,840	0,275	100,0	5,0	82,6	12,4
Молдавская ССР								
1958—1959	3,573	0,170	2,606	0,797	100,0	4,8	72,9	22,3
1969—1970	2,563	0,141	1,995	0,427	100,0	5,5	77,8	16,7
1972—1973	2,626	0,153	2,083	0,390	100,0	5,8	79,3	14,9
1973—1974	2,587	0,162	2,070	0,355	100,0	6,3	80,0	13,7
Латвийская ССР								
1958—1959	1,938	0,084	1,569	0,285	100,0	4,3	81,0	14,7
1969—1970	1,926	0,135	1,605	0,186	100,0	7,0	83,3	9,7
1972—1973	1,986	0,134	1,658	0,194	100,0	6,7	83,5	9,8
1973—1974	1,972	0,136	1,646	0,190	100,0	6,9	83,5	9,6

Годы	Число детей, рожденных в среднем одной женщиной условного поколения, человек				Число детей, рожденных в среднем одной женщиной условного поколения, %			
	всего с 15 до 50 лет	в том числе в возрасте, лет			всего с 15 до 50 лет	в том числе в возрасте, лет		
		15—19	20—34	35—49		15—19	20—34	35—49
А	1	2	3	4	5	6	7	8
Киргизская ССР								
1958—1959	4,320	0,202	3,005	1,113	100,0	4,7	69,5	25,8
1969—1970	4,846	0,205	3,420	1,221	100,0	4,2	70,6	25,2
1972—1973	4,889	0,194	3,527	1,168	100,0	4,0	72,1	23,9
1973—1974	4,807	0,204	3,469	1,134	100,0	4,2	72,2	23,6
Таджикская ССР								
1958—1959	3,926	0,131	2,420	1,375	100,0	3,3	61,7	35,0
1969—1970	5,903	0,201	3,900	1,802	100,0	3,4	66,1	30,5
1972—1973	6,071	0,206	4,116	1,749	100,0	3,4	67,8	28,8
1973—1974	6,196	0,204	4,271	1,721	100,0	3,3	68,9	27,8
Армянская ССР								
1958—1959	4,730	0,188	3,346	1,196	100,0	4,0	70,7	25,3
1969—1970	3,195	0,206	2,507	0,482	100,0	6,4	78,5	15,1
1972—1973	3,070	0,187	2,459	0,424	100,0	6,1	80,1	13,8
1973—1974	2,913	0,195	2,352	0,366	100,0	6,7	80,7	12,6
Туркменская ССР								
1958—1959	5,123	0,198	3,423	1,502	100,0	3,9	66,8	29,3
1969—1970	5,930	0,168	3,989	1,773	100,0	2,8	67,3	29,9
1972—1973	5,867	0,136	4,063	1,668	100,0	2,3	69,3	28,4
1973—1974	5,854	0,135	4,083	1,636	100,0	2,3	69,7	28,0
Эстонская ССР								
1958—1959	1,946	0,101	1,571	0,274	100,0	5,2	80,7	14,1
1969—1970	2,143	0,151	1,803	0,189	100,0	7,1	84,1	8,8
1972—1973	2,145	0,157	1,795	0,193	100,0	7,3	83,7	9,0
1973—1974	2,111	0,160	1,767	0,184	100,0	7,6	83,7	8,7

в то время как на группу 35—49 лет — всего 13%. Чем ниже уровень рождаемости, тем ниже и доля суммарного коэффициента в интервале 35—49 лет во всей величине коэффициента суммарной рождаемости и выше доля коэффициента рождаемости в интервале 20—34 года. Например, в 1973—1974 гг. доля суммарного коэффициента в интервале 35—49 лет варьировала от 9% (Украина и Эстония) до 28% (Туркмения и Таджикистан). Соответственной была вариация и коэффициентов суммарной рождаемости в целом.

Тенденция сокращения числа рождений у женщин старше 35 лет отмечается и в других странах. В последние годы удельный вес суммарного коэффициента в интервале 35—49 лет во всей величине коэффициента суммарной рождаемости варьировал от 4—6% в Болгарии, Венгрии, ГДР, Чехословакии и Японии до 13% в Канаде. По-видимому, это общая тенденция, и в будущем, вероятно, рождения у женщин старше 35 лет во всех странах станут редкостью. И это хорошо, поскольку, как уже отмечалось в первой главе, рождения после 35 лет менее благоприятны для здоровья как ребенка, так и матери. Однако в настоящее время коэффициенты воспроизводства населения в некоторых наших союзных республиках (Белоруссия, Литва) превышают уровень простого воспроизводства только за счет рождений у женщин старших возрастов.

Изменения в возрастной структуре рождаемости происходят как за счет сокращения рождаемости вообще (т. е. сокращения числа рождений за всю жизнь), так и за счет сокращения продолжительности фактического репродуктивного периода жизни, т. е. интервала времени между рождением первого и последнего ребенка (при одном и том же общем числе рожденных за всю жизнь детей). Это обстоятельство нужно учитывать при анализе динамики возрастных коэффициентов рождаемости.

Если коэффициент суммарной рождаемости условного поколения в динамике за длительный период проявляет устойчивую плавную тенденцию к сокращению, то это косвенно свидетельствует о сокращении рождаемости и в реальных поколениях. В таком случае неизменность или даже повышение коэффициентов рождаемости в младших и средних возрастных группах, при их сокращении в старших группах, косвенно указывает на перемещение

рождений к молодым возрастам (в реальных поколениях) и на вероятность дальнейшего сокращения рождаемости в старших возрастных группах женщин через 10—15 лет.

Другой вывод, который можно сделать из анализа возрастной структуры рождаемости, следующий. В прошлом считалось, что одними из структурных факторов уровня рождаемости являются удельный вес женщин 15—49 лет в населении и доля замужних среди них. В условиях естественной рождаемости или близкой к ней, когда плодовитость замужних женщин реализуется на всем протяжении репродуктивного периода, это мнение, безусловно, верно. Но в условиях низкой контролируемой рождаемости, когда замужние женщины намеренно прекращают деторождение задолго до окончания репродуктивного периода жизни [1], оценка роли отдельных возрастных групп репродуктивного контингента женщин в динамике общего уровня рождаемости нуждается в уточнении.

Если увеличение доли женщин в возрасте 20—34 года (и доли замужних среди них) в репродуктивном контингенте действительно положительно коррелирует с общим и специальным коэффициентами рождаемости, то подобное же увеличение доли женщин в возрасте 35—49 лет оказывает, скорее, отрицательное влияние на общие показатели рождаемости (а колебания уровня брачности в этом возрасте уже не имеют большого значения для уровня рождаемости). Поэтому и динамику возрастной структуры женщин в связи с ее влиянием на уровень рождаемости представляется целесообразным анализировать дифференцированно по трем основным возрастным группам репродуктивного контингента.

Структура рождаемости по очередности рождения детей. Для характеристики этой структуры можно использовать различные типы показателей. В частности, представляется целесообразным использовать общие коэффициенты рождаемости по очередности рождений. При всех недостатках общих коэффициентов они привлекательны

[1] Кстати, именно поэтому представляется вдвойне неудачным термин «исчерпанная плодовитость», используемый некоторыми демографами как синоним коэффициента суммарной рождаемости. Во-первых, это показатель, суммарно характеризующий рождаемость, а не плодовитость. Во-вторых, в районах низкой рождаемости деторождение завершается искусственно задолго до «исчерпания» плодовитости.

тельно мелким участкам города (отделениям милиции) [1]. Он обнаружил, что самые низкие коэффициенты были в участках, расположенных ближе к центру города, а самые высокие коэффициенты — в окраинных участках. Так как ко времени написания его статьи имелись данные переписи населения 1926 г. о социальном составе только по районам Москвы, Б. М. Яголим использовал соответствующие итоги городской переписи населения 1923 г., в которых была проведена разработка по отделениям милиции.

Считая, что за 4 года социальный состав не мог существенно измениться, он сопоставил данные о социальном составе по итогам переписи населения 1923 г. с коэффициентами рождаемости по соответствующим административным единицам Москвы за 1927 г. Оказалось, что в центральных участках Москвы около половины жителей (50,7%) составляли служащие и лица свободных профессий, рабочие — только 15%. Коэффициент рождаемости в этих участках составлял в среднем 18,2‰. Среди жителей окраинных участков служащие и лица свободных профессий составляли 24,4%, рабочие — 45,4%. Коэффициент рождаемости в этих районах составлял в среднем 33,7‰.

На основании этих данных Б. М. Яголим справедливо объяснил различия в коэффициентах рождаемости по жилым районам Москвы социальными различиями в уровнях рождаемости.

В 1929 г. С. А. Новосельский опубликовал результаты своих исследований дифференциальной рождаемости по материалам Ленинграда [2]. Сопоставив данные о социальном составе по итогам переписей населения 1910 и 1926 гг. с соответствующими этим данным показателями рождаемости за 1909—1912 и 1926—1927 гг., он также обнаружил обратную связь между социально-экономическим статусом населения и уровнем рождаемости.

Первое крупное исследование дифференциальной рождаемости в СССР было проведено органами нашей

[1] См.: *Яголим Б. М.* Рождаемость по г. Москве в связи с социальным составом населения. — «Статистическое обозрение», 1928, № 10, с. 85—88.

[2] См.: *Новосельский С. А.* Плодовитость населения в связи с социальным положением. — «Санитарно-статистический сборник Ленинградского облздравотдела», 1929, вып. 2, с. 84—93.

бюджетной статистики в 1934 г. Оно охватило около 10 тыс. матерей. Полученные результаты подтвердили наличие обратной зависимости между уровнем благосостояния и рождаемостью в семьях рабочих и служащих. Это указывало на возможность дальнейшего снижения рождаемости по мере роста уровня жизни и противоречило господствовавшим в то время взглядам, будто бы при социализме рождаемость непременно должна повышаться. Вероятно поэтому результаты обследования 1934 г. были опубликованы С. Г. Струмилиным только в 1957 г. [1].

Интерес к исследованию факторов рождаемости резко возрос с начала 1960-х годов. Начиная с крупного бюджетного обследования, проведенного в 1960 г. ЦСУ СССР, и небольшого, но важного в теоретическом отношении исследования Н. А. Таубер в г. Жуковском под Москвой в том же году, шел неуклонный рост эмпирических исследований факторов рождаемости в различных районах нашей страны. Конечно, эти исследования во многом неравноценны и по своим масштабам, и по методологии, и по технике проведения. Пожалуй, среди них нет ни одного, результаты которого были бы в полной мере сопоставимы с результатами другого исследования. По сравнению с масштабами программ исследований публикации результатов их гораздо беднее [2].

Опубликованные результаты проведенных обследований приводят к различным, иногда противоречивым, выводам о влиянии определенных условий жизни на рождаемость. Различаются и программы исследований. Однако последнее вряд ли можно расценивать только как недостаток. Мы находимся, по-видимому, еще на стадии становления эмпирических исследований факторов рождаемости, когда идет разработка и проверка гипотез, а следовательно, и разработка и проверка программ исследований.

[1] См.: *Струмилин С. Г.* К проблеме рождаемости в рабочей среде. — В кн.: *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда. М., 1957, с. 186—207. Статья снабжена примечанием: «Написано в 1936 г. Публикуется впервые».

[2] К сожалению, программы большинства из них богатыми тоже нельзя назвать. К тому же они, как правило, не публикуются. Между тем думается, что публикации программ были бы полезны, так как без знакомства с программой исследования трудно интерпретировать его результаты.

Несмотря на различные недостатки и спорность выводов многих исследований, все они дали бесценную информацию о различных аспектах рождаемости. Особенно следует отметить важнейшие из них: обследование ЦСУ СССР в 1960 г. семей рабочих и служащих, ведущих бюджетные записи, исследование Н. А. Таубер в г. Жуковском Московской области в 1960 г., исследование Л. М. Давтяна в Ереване в 1963 г. и исследование Лаборатории демографии НИИ ЦСУ СССР на четырех московских предприятиях в 1966 г. Последнее из названных исследование открыло собой начало нового подхода в изучении факторов рождаемости — изучение мнений женщин об идеальном и желаемом числе детей в семье и о мотивах ограничения рождаемости.

Наконец, весьма важное значение имеют результаты опроса мнений о наилучшем и ожидаемом числе детей в семье, проведенного в 1969 г. Отделом демографии НИИ ЦСУ СССР. Опрос был проведен анкетным методом по почте. Анкеты посылались замужним женщинам в возрасте до 40 лет, попавшим в выборочную совокупность при единовременном обследовании доходов и жилищных условий 250 тыс. семей рабочих и служащих за сентябрь 1967 г., проведенном ЦСУ СССР. Ответы на анкету, состоявшую из пяти вопросов, были получены от 33,6 тыс. женщин, проживающих по всей территории СССР. Методика проведения обследования 1969 г. была такова, что позволяла объединить данные опроса мнений с фактическими данными обследования 1967 г., относящимися к одним и тем же женщинам [1].

Таким образом, обследование 1969 г. стало наиболее представительным для территории СССР, в котором соединились традиционные методы сопоставления фиксированных показателей уровня жизни с показателями рождаемости и новые методы изучения мнений. Представительность этого обследования особенно хочется подчеркнуть именно потому, что его результаты подтвердили характер связи между отдельными социально-экономическими факторами и числом детей в семье, выявленный большинством исследований, проведенных в нашей стране ранее. Но самыми важными среди его результатов

[1] Результаты обследований 1969 и 1967 гг. наиболее полно опубликованы в работах: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР; *Белова В. А.* Число детей в семье. М., 1975.

представляются нам те, которые показывают, что наиболее обеспеченные и образованные женщины не только фактически имеют, но и намерены иметь меньше детей, чем менее обеспеченные и образованные.

Еще более крупное единовременное выборочное обследование доходов и жилищных условий рабочих, служащих и колхозников было проведено ЦСУ СССР в 1972 г. Оно охватило около 350 тыс. женщин, в том числе 164 тыс. замужних женщин в возрасте от 18 до 45 лет. Хотя программа этого обследования, относящаяся к изучению рождаемости, была гораздо беднее предыдущего (всего один вопрос, относящийся к мнениям женщин об ожидаемом числе детей), его результаты, характеризующие дифференциацию рождаемости по социально-экономическим и этническим признакам, вполне подтверждают установленные ранее закономерности.

Рассмотрим закономерности рождаемости, связанные с основными социально-экономическими характеристиками условий жизни, следуя привычной схеме факторов рождаемости: урбанизация, социально-классовая принадлежность, занятость женщин в общественном производстве, доход и жилищные условия, уровень образования, этническая принадлежность. Конечно, влияние всех этих факторов сложно переплетено в реальной действительности. Выделение в анализе как бы изолированного влияния каких-либо конкретных факторов — это условность, абстракция, облегчающая рассуждение. Такой принцип представляется вполне допустимым, если только при этом не упускать из виду, что на самом деле все факторы рождаемости взаимодействуют нераздельно.

Очень важно также иметь в виду, что влияние условий жизни на рождаемость весьма различно в зависимости от очередности рождения ребенка. Добровольный отказ от рождения хотя бы единственного ребенка в нашей стране, по-видимому, если и встречается, то только в исключительно редких случаях, не имеющих статистической значимости. В подавляющем большинстве случаев брачная инфертильность — результат бесплодия [1]. Следо-

[1] По данным обследования, проведенного ЦСУ СССР в 1960 г. среди женщин, состоявших в браке более 10 лет, доля ни разу не рожавших (инфертильных) составляла всего 4,2%, а среди вступивших в брак до 25 лет (84% женщин в выборке) — даже 3,6% (см.: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР, с. 91). По данным

вательно, влияние социально-экономических условий жизни на рождение первенца в браке может выражаться в основном только в отсрочке, откладывании этого рождения[1]. Однако результаты крупнейших обследований в нашей стране показывают, что и откладывание первых рождений в браке не имеет распространения[2]. Нужно отметить, что некоторые исследования, проведенные медиками, обнаруживают значительную долю абортов при первой беременности в браке, что указывает на откладывание первого рождения. Так, по данным обследования, проведенного И. П. Катковой в одном из районов Москвы, эта доля составила 21%[3], по данным другого обследования, проведенного Н. А. Кравченко в Алма-Ате, — 10,3% у русских женщин и 6,5% — у казашек[4]. Выборочное исследование первородящих в Ленинграде показало, что 20,0% опрошенных женщин имели до рождения первого ребенка 1 аборт, 6,3% — 2 аборта, 3,5% — 3 и более[5].

Но, во-первых, по данным этих обследований не известно, насколько таким образом были отложены первые рождения. Во-вторых, это небольшие локальные исследования в столичных городах и, следовательно, непредставительные для периферии с относительно более высокой

другого крупнейшего обследования, проведенного ЦСУ СССР в 1967 г. среди женщин, вступивших в брак в возрасте 22—29 лет, доля инфертильных варьировала от 7,2% в старших когортах до 5,4% — в младших (см.: *Сифман Р. И.*, там же). Поскольку эти проценты очень близки уровню бесплодия (см. первую главу), можно сделать вывод, что брачная инфертильность в нашей стране является в основном результатом бесплодия.

[1] Правда, если отсрочка достигается с помощью абортов, то она может превратиться в вынужденную в результате возникновения бесплодия.

[2] По данным обследований 1960 и 1967 гг. протогенетические интервалы (интервалы между вступлением в брак и рождением первенца) в нашей стране в среднем близки по продолжительности к естественным и проявляют тенденцию к сокращению (см.: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР, с. 147—156).

[3] См.: *Серенко А. Ф.* [и др.]. Когортный метод в социально-гигиеническом изучении рождаемости в молодых семьях. М., 1971, с. 10.

[4] См.: *Кравченко Н. А.* Социально-гигиенические аспекты регулирования рождаемости в семьях русских и казахов. Автореф. канд. дис. М., 1973, с. 11.

[5] См.: *Поляков И. В.* Тенденции воспроизводства населения Ленинграда. — В кн.: Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе, с. 481.

рождаемостью. Однако, с другой стороны, если эти результаты не могут служить для оценки масштабов откладывания первых рождений в широком плане сегодня, они, вполне возможно, указывают на расширение этих масштабов в будущем, поскольку столичные города являются моделью будущего образа жизни всего населения.

Чаще всего, по-видимому, использование мер контрацепции начинается только после рождения первого ребенка. Отсюда следует важный в методологическом отношении вывод: *рождение первенца мало зависит от каких-либо материальных условий жизни.* Если это так, то включение однодетных семей в выборку при изучении влияния условий жизни на рождаемость вряд ли правомерно. Если доля первенцев в выборке высока, то это обстоятельство может самым противоречивым образом повлиять на характер установленных исследованием закономерностей. Поэтому правильнее было бы, думается, при изучении зависимости рождаемости от социально-экономических факторов включать в выборку только семьи, имеющие более одного ребенка. Исследование же факторов, влияющих на рождение первого ребенка, целесообразнее было бы проводить отдельно, поскольку закономерности здесь иные.

Однако во многих исследованиях факторов рождаемости влияние условий жизни на рождаемость не дифференцируется по очередности рождения ребенка. Это нужно учитывать при анализе их результатов.

Урбанизация как фактор снижения рождаемости. Общеизвестно, что уровень рождаемости городского населения ниже, чем сельского. Обычно это заметно уже при сравнении грубых общих коэффициентов рождаемости. Тем более эта разница проявляется при сравнении более точных возрастных и суммарных коэффициентов рождаемости (табл. 19). Общие коэффициенты сегодня занижают разницу в уровнях рождаемости между городским и сельским населением, так как возрастная структура городского и сельского населения различается. Взрослое городское население в СССР в среднем несколько моложе, чем сельское[1].

[1] В начале 1970 г. средний возраст городского населения в возрастном интервале от 20 до 50 лет по СССР был равен 34,2 года, а сельского — 35,5 года. (Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II, с. 15).

Таблица 19

Повозрастные коэффициенты рождаемости городского и сельского населения СССР

Годы	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы								Коэффициент суммарной рождаемости
	всего 15—49 лет *	в том числе							
		до 20 **	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
Городское население									
1965—1966	57,0	25,8	137,5	111,0	69,6	31,3	9,4	1,3	1,930
1969—1970	55,7	28,5	144,2	108,8	68,6	29,6	7,3	1,1	1,941
1970—1971	57,1	29,6	148,6	111,6	68,1	30,9	7,0	0,8	1,983
1971—1972	57,9	30,2	150,5	116,7	66,0	31,8	6,8	0,7	2,014
1972—1973	57,5	30,5	147,3	115,3	64,1	31,3	6,5	0,6	1,978
1973—1974	57,6	31,6	146,4	113,3	61,1	29,6	6,5	0,6	1,946
Сельское население									
1965—1966	90,4	25,1	198,1	177,6	135,0	77,3	32,2	8,4	3,269
1969—1970	82,3	33,8	209,5	163,2	121,9	75,5	27,0	5,5	3,182
1970—1971	83,5	36,0	222,1	170,1	121,0	77,5	26,5	4,7	3,290
1971—1972	83,5	36,1	231,9	179,2	118,6	76,8	26,3	4,1	3,365
1972—1973	82,7	35,4	236,5	184,5	115,1	76,5	25,8	3,8	3,388
1973—1974	83,8	36,1	244,9	179,5	114,0	74,2	26,3	3,5	3,448

* Включая родившихся у матерей более старшего возраста.

** При определении показателей для этой возрастной группы условно взято число женщин в возрасте 15—19 лет.

Источник. «Вестник статистики», 1971, № 12; 1973, № 12; 1974, № 12; 1975, № 12.

В 1973—1974 гг. в целом по СССР общий коэффициент рождаемости у сельского населения был выше, чем у городского, всего на 14%. Однако сравнение коэффициентов суммарной рождаемости показывает, что на самом деле рождаемость сельского населения выше, чем городского, в 1,8 раза. Следует при этом отметить, что уровень рождаемости городского населения СССР в целом ниже необходимого для простого воспроизводства населения в будущем. Следовательно, расширенное воспроизводство населения в СССР в последние годы происходит только за счет сельского населения.

Структура городского и сельского населения в нашей стране различается не только по возрасту, но и по брачному состоянию. В селах по традиции женщины раньше вступают в брак, чем в городах. В селах также реже разводятся, чем в городах. Поэтому доля женщин, состоящих в браке, выше среди сельского населения, чем среди

городского. Это превышение особенно заметно в возрастных группах от 18 до 25 лет. В РСФСР процент замужних сельских женщин превышает процент замужних городских женщин только в возрастных группах моложе 40 лет, на Украине и в Белоруссии — только до 30 лет.

Таблица 20

Фактический уровень рождаемости и ГМЕР городского населения СССР и союзных республик в 1958—1959 и 1969—1970 гг., ‰

	Годы	ОКР	ГМЕР	(ОКР—ГМЕР) (—1)	Относительная степень реализации ГМЕР, % $\left(\frac{ОКР}{ГМЕР}\cdot 100\right)$
СССР	1958—1959	22,3	54,2	31,9	41,1
	1969—1970	16,0	51,3	35,3	31,2
Латвийская ССР	1958—1959	16,8	52,6	35,8	31,9
	1969—1979	14,2	50,7	36,5	28,0
РСФСР	1958—1959	21,0	53,9	32,9	39,0
	1969—1970	14,4	51,3	36,9	28,1
Украинская ССР	1958—1959	20,3	55,2	34,9	36,8
	1969—1970	15,3	53,5	38,2	28,6
Эстонская ССР	1958—1959	17,2	53,7	36,5	32,0
	1969—1970	16,1	50,2	34,1	32,1
Белорусская ССР	1958—1969	25,1	57,6	32,5	43,6
	1969—1970	18,2	55,3	37,1	32,9
Молдавская ССР	1958—1959	22,8	58,1	35,3	39,2
	1969—1970	18,0	53,2	35,2	33,8
Литовская ССР	1958—1959	23,6	55,0	31,4	42,9
	1969—1970	18,4	53,7	35,3	34,3
Грузинская ССР	1958—1959	20,9	53,6	32,7	39,0
	1969—1970	18,2	49,1	30,9	37,1
Казахская ССР	1958—1959	32,1	53,1	21,0	60,5
	1969—1970	19,6	51,1	31,5	38,4
Армянская ССР	1958—1959	33,6	54,2	20,6	62,0
	1969—1970	21,1	48,9	27,8	43,1
Киргизская ССР	1958—1959	30,5	54,3	23,8	56,2
	1969—1970	24,6	48,2	23,6	51,0
Азербайджанская ССР	1958—1959	33,1	52,2	19,1	63,4
	1969—1970	23,9	44,1	23,9	54,2
Узбекская ССР	1958—1959	31,6	51,3	19,7	61,6
	1969—1970	26,3	45,1	18,8	58,3
Таджикская ССР	1958—1959	33,6	55,1	21,5	61,0
	1969—1970	28,6	45,7	17,1	62,6
Туркменская ССР	1958—1959	38,4	56,4	18,0	68,1
	1969—1970	30,1	44,8	14,7	67,2

Однако, отдавая должное влиянию структурных факторов, нужно отметить, что основные различия между городским и сельским населением заключаются в том, что городское население ограничивает свою рождаемость в гораздо большей степени, чем сельское. Это можно показать с помощью коэффициента ГМЕР (табл. 20 и 21).

Таблица 21

Фактический уровень рождаемости и ГМЕР сельского населения СССР и союзных республик в 1958—1959 и 1969—1970 гг., ‰

	Годы	ОКР	ГМЕР	(ОКР—ГМЕР) (—1)	Относительная степень реализации ГМЕР, % $\left(\frac{ОКР}{ГМЕР}\cdot 100\right)$
СССР	1958—1959	27,9	44,8	16,9	62,3
	1969—1970	18,7	40,9	22,2	45,7
Украинская ССР	1958—1959	21,5	43,3	21,8	49,7
	1969—1970	14,5	42,9	28,4	33,8
РСФСР	1958—1959	27,2	44,0	16,8	61,8
	1969—1970	14,5	40,5	26,0	35,8
Белорусская ССР	1958—1959	25,9	42,1	16,2	61,5
	1969—1970	14,4	39,5	25,1	36,5
Латвийская ССР	1958—1959	16,7	36,5	19,8	45,8
	1969—1970	14,3	38,5	24,2	37,1
Эстонская ССР	1958—1959	15,7	34,7	19,0	45,2
	1969—1970	14,7	35,6	20,9	41,3
Литовская ССР	1958—1959	22,3	37,5	15,2	59,5
	1969—1970	16,7	38,8	22,1	43,0
Молдавская ССР	1958—1959	33,5	50,9	17,4	65,8
	1969—1970	19,8	44,9	25,1	44,1
Грузинская ССР	1958—1959	26,0	47,0	21,0	55,1
	1969—1970	19,6	44,1	24,5	44,4
Армянская ССР	1958—1959	47,8	49,9	2,1	95,8
	1969—1970	24,5	40,0	15,5	61,3
Казахская ССР	1958—1959	40,5	48,1	7,6	84,2
	1969—1970	27,3	41,9	14,6	65,2
Киргизская ССР	1958—1959	36,1	50,5	14,4	71,5
	1969—1970	33,7	38,9	5,2	86,6
Азербайджанская ССР	1958—1959	48,4	50,3	1,9	96,2
	1969—1970	34,8	37,6	2,8	92,6
Узбекская ССР	1958—1959	40,4	51,6	11,1	78,3
	1969—1970	37,1	38,5	1,4	96,4
Таджикская ССР	1958—1959	27,8	55,2	27,4	50,4
	1969—1970	38,3	39,5	1,2	97,5
Туркменская ССР	1958—1959	40,6	51,7	11,1	78,5
	1969—1970	39,2	38,2	—1,0	102,6

В среднем по СССР относительная степень реализации ГМЕР у сельского населения примерно в 1,5 раза выше, чем у городского. За период между переписями 1959 и 1970 гг. она понизилась почти в одинаковой степени как в городском, так и в сельском населении (соответственно на 24 и 27%). Но это в среднем по СССР.

В союзных республиках динамика масштабов внутрисемейного ограничения рождаемости была различной. В РСФСР, Белоруссии, Молдавии и на Украине масштабы внутрисемейного ограничения рождаемости росли значительно быстрее в сельской местности, чем в городских поселениях. Поэтому и разница в степени намеренного ограничения рождаемости между городским и сельским населением сократилась в этих республиках наиболее значительно. Так, если в 1958—1959 гг. степень реализации ГМЕР среди сельского населения была выше, чем среди городского, в РСФСР — на 58%, на Украине — на 35, в Белоруссии — на 41, в Молдавии — на 68%, то в 1969—1970 гг. эта разница составляла уже соответственно 27, 18, 11 и 30%. Довольно резко за 11 лет увеличилось внутрисемейное ограничение рождаемости в Армении, причем почти в одинаковой степени и в городском, и в сельском населении (разница между городским и сельским населением сократилась мало).

Нужно отметить, что в республиках с относительно низким уровнем рождаемости в межпереписной период рождаемость в сельских поселениях снижалась быстрее, чем в городских. В республиках же с более высокой рождаемостью она снижалась в большей степени в городах, чем в сельской местности[1]. В этом нет ничего удивительного, поскольку процесс снижения рождаемости первоначально начинается в городах. В тех республиках, где этот процесс начался уже давно, уровень рождаемости городского населения уже настолько низок, что, по-видимому, близок к стабилизации. Сельское население постепенно переходит к городским нормам детности, и разница в репродуктивном поведении городского и сельского населения сокращается. В республиках с относительно высоким уровнем рождаемости процесс изменения репро-

[1] Судя по данным табл. 20 и 21, степень реализации ГМЕР в республиках Средней Азии как будто даже увеличилась, но это результат только повышения, по-видимому, качества учета рождений (этот вопрос уже рассматривался в первой главе).

бытовой техники, ведению семейного бюджета и другим необходимым для счастливой семейной жизни навыкам. Не секрет, что многие молодые люди, вступив в брак, испытывают трудности в организации домашнего хозяйства даже в том случае, если у них нет детей или только один ребенок. Дело не только в объективно существующей сложности, но и в элементарной неподготовленности. Возможно, что неумение и нежелание вести домашнее хозяйство является одной из причин распада некоторой доли молодых браков. Демографы и социологи, изучающие причины роста разводов, часто называют пьянство мужей в числе чуть ли не главных причин разводов (по мнению опрашиваемых женщин). Но не исключено, что какая-то часть причин пьянства приходится на неустроенность домашнего быта.

Смягчение проблемы «двойной занятости» женщины, по нашему мнению, важная часть решения проблемы малодетности, но только часть. Создание материальных условий для рождения третьего ребенка может помочь только семьям, имеющим потребность в таком числе детей. Между тем многие другие факторы, помимо «двойной занятости», влияют на уменьшение потребности в третьем ребенке как у занятых в общественном производстве женщин, так и у не занятых в нем. Например, по итогам Всесоюзной переписи населения 1970 г. число детей у женщин, занятых только в подсобном сельском хозяйстве, в республиках с низкой рождаемостью не намного выше, чем у занятых преимущественно физическим трудом в народном хозяйстве. Например, у сельских женщин Украинской ССР, занятых в народном хозяйстве преимущественно физическим трудом, в расчете на 1000 матерей приходится в среднем 1982 ребенка, в то время как на 1000 матерей, занятых в личном подсобном сельском хозяйстве, — 2060[1].

Различий в рождаемости между женщинами, занятыми и не занятыми в общественном производстве, может

[1] См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII, с. 450—451. По опубликованным итогам переписи не представляется возможным сравнить число детей у женщин, занятых в общественном производстве, и у домашних хозяек. Но можно предположить, что с точки зрения оценки влияния общественно-производственной деятельности женщин на рождаемость разница между домашними хозяйками и женщинами, занятыми только в личном подсобном сельском хозяйстве, несущественна.

и не быть вовсе. Но при этом важно заметить, что такое стирание различий происходит за счет снижения рождаемости до малодетности в обеих категориях женщин. Например, в исследовании 1961 г., проведенном в Чехословакии, на вопрос, при каких условиях женщины хотели бы иметь троих детей, ответили «ни при каких условиях» 59,6% опрошенных женщин-работниц и 60,6% домашних хозяек[1].

Процесс экстенсивного вовлечения женщин в общественное производство в нашей стране близок к завершению. Однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с мнением, будто поэтому в дальнейшем фактор женской занятости перестанет влиять на снижение рождаемости[2]. Ведь, очевидно, будет продолжаться бесконечный процесс качественных изменений женской занятости: повышение уровня образования, квалификации, общественной активности и т. д. Даже в наиболее благоприятных материальных условиях повышение квалификации требует значительных затрат сил и времени. Поэтому, вероятнее всего, можно ожидать, что, если сложившаяся структура ценностей не изменится, процесс роста женской профессиональной квалификации будет происходить за счет отказа от рождения третьих, а в дальнейшем — и вторых детей.

Благосостояние и рождаемость. Вопрос о характере связи между уровнем благосостояния семьи и числом детей в ней — один из самых старых и до сих пор наиболее спорных в исследованиях дифференциальной рождаемости.

Вполне очевидно, что для того, чтобы иметь детей, необходимы определенные материальные условия. Очевидно также, что чем лучше материальные условия, тем больше детей можно содержать. Однако результаты эмпирических исследований вновь и вновь констатируют так называемый парадокс обратной связи между показателями уровня жизни и рождаемости. Собственно говоря, этот парадокс можно видеть и без «статистической лупы».

[1] См.: *Прокопец И.* Замужняя женщина в семье и на работе, 1961 г. — В кн.: Рождаемость и ее факторы, с. 55.

[2] См.: *Урланис Б. Ц.* Проблемы долгосрочного прогнозирования численности населения. — В кн.: Методология прогнозирования экономического развития СССР. М., 1971, с. 285.

Так, совершенно бесспорно, что уровень жизни всего населения нашей страны в последнее десятилетие повышался быстрее, чем когда-либо прежде. Однако рождаемость снижается. Можно также отметить, что уровень жизни в городах выше, чем на селе, и в крупных городах — выше, чем в малых, а уровень рождаемости, наоборот, соответственно ниже. Как уже отмечалось в начале главы, на парадокс обратной связи обращали внимание в отдельных случаях еще экономисты XVIII—XIX вв.

К. Маркс в «Капитале» отметил его уже как закономерность: «...не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семей обратно пропорциональны высоте заработной платы, т. е. той массе жизненных средств, которой располагают различные категории рабочих. Этот закон капиталистического общества звучал бы бессмыслицей, если бы мы отнесли его к дикарям или даже к цивилизованным колонистам»[1].

Некоторые авторы считают, что указанную закономерность К. Маркс будто бы относит не ко всему рабочему классу, а только к одной, наиболее нищей его части, не имеющей постоянной работы[2]. Думается, для такого ограничительного толкования нет достаточных оснований. Во всяком случае, у К. Маркса нет никаких оговорок относительно границ действия отмеченной закономерности. Напротив, К. Маркс делает в этом месте примечательную сноску, в которой приводит отдельные наблюдения обратной закономерности между благосостоянием и рождаемостью А. Смита, Галиани и Ленга, сделанные ими в разное время вообще вне связи с классовыми отношениями, т. е. относящиеся к различным слоям населения[3]. К. Маркс дал эту сноску без каких-либо оговорок, в дополнение к своим собственным наблюдениям. Из этого, как нам кажется, следует, что К. Маркс

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 658.

[2] См.: *Смулевич Б. Я.* Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской критики. М.—Л., 1936, с. 141; *Смулевич Б. Я.* Критика буржуазных теорий и политики народонаселения. М., 1959, с. 22—23; *Кузнецов А. Д.* Трудовые ресурсы СССР и их использование. М., 1960, с. 28; *Слесарев Г. А.* Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР. М., 1965, с. 114; *Болдырев В. А.* Экономический закон населения при социализме. М., 1968, с. 85; Курс демографии. Изд. 2-е. М., 1974, с. 431.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 658.

допускает действие отмеченной им закономерности не только в одной категории рабочих, но и в других социальных группах.

Споры экономистов о границах действия закономерности, отмеченной К. Марксом, которые теперь, пожалуй, поутихли, десяток лет тому назад имели отнюдь не схоластическое значение, как может показаться. Фактически это были споры о том, действует ли обратная закономерность между благосостоянием и рождаемостью и в социалистическом обществе или она специфична только для капитализма[1]. Несколько лет результаты исследований в нашей стране (число которых начало увеличиваться с 1960 г.), обнаруживавших парадокс обратной связи между благосостоянием и рождаемостью, встречались многими экономистами с недоверием. Некоторые экономисты и демографы и сейчас рассматривают обратную закономерность как нечто временное, преходящее, дóлжное непременно измениться на прямую. Видимо, только этим можно объяснить довольно часто встречающиеся в демографической литературе ссылки на любые результаты исследований, в которых проявилось хоть что-либо похожее на прямую связь между показателями условий жизни и рождаемости, независимо от того, в каких странах и в какое время проводились эти исследования, насколько они представительны по масштабам и процедуре выборки, какие типы показателей материального благополучия использовались, каковы величина и размах вариации показателей рождаемости и т. п. Такие ссылки обычно служат основанием для высказывания предположений, будто по мере дальнейшего роста уровня жизни в нашей стране рождаемость сама собой возрастет[2].

[1] См., в частности: *Струмилин С. Г.* К проблеме рождаемости в рабочей среде. — В кн.: Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда, с. 193—194; *Смулевич Б. Я.* Критика буржуазных теорий и политики народонаселения, с. 20—21; *Струмилин С. Г.* К проблеме рождаемости в рабочей среде. — Избр. произв. Т. 3, с. 136—137.

[2] Вот довольно типичный пример такого рассуждения: «Исследования многих авторов, в основном зарубежных, говорят о том, что при достижении определенного уровня благосостояния падение рождаемости прекращается. В некоторых странах выполнены обследования, показавшие прямую зависимость рождаемости от доходов во всех основных слоях общества. Такие результаты, в частности, были получены по шведским данным. Очевидно, и у нас падение рождаемости будет иметь подобную эволюцию. Уже сейчас в целом по республике (имеется в виду Украинская ССР. — *В. Б.*) наметилась тенденция к

Мы вовсе не собираемся доказывать, будто обратная зависимость между показателями условий жизни и рождаемости проявляется всегда, что она проявляется как универсальный закон. Вполне естественно, что как всякая статистическая закономерность она проявляется в массе случаев в виде тенденции со множеством отклонений. Но, однако, важно отметить, что обратная зависимость фактически проявляется значительно чаще, чем прямая, и это обстоятельство уже должно привести к выводу, что просто так отмахнуться от этого надоевшего «парадокса» нельзя.

В частности, почти все советские исследования факторов рождаемости, в которых в качестве характеристики уровня жизни семьи использовался *размер душевого дохода,* показали обратную связь между этим показателем и показателями рождаемости. Это прежде всего наиболее представительные по своим масштабам исследования, проведенные ЦСУ СССР в 1934 г.[1], 1959 г.[2], 1960 г.[3],

---

замедлению темпов ее падения» (*Стешенко В. С.* Воспроизводство населения Украинской ССР. — В кн.: Вопросы демографии. Киев, 1968, с. 67).

Однако эти «шведские данные» (по-видимому, имеется в виду исследование К. Эдина и Э. Хатчинсона, проведенное в Стокгольме еще в 1930-х гг.), во-первых, методологически шатки (об этом речь пойдет несколько позже), во-вторых, уже устарели. С тех пор как К. Эдин и Э. Хатчинсон провели свое исследование, уровень рождаемости в Швеции отнюдь не увеличился и в настоящее время один из самых низких в мире (12,6‰ в 1975 г.), в то время как уровень жизни — один из самых высоких среди развитых капиталистических стран.

В то же время наметившаяся тенденция к замедлению темпов снижения уровня рождаемости, которая наметилась не только на Украине, но и в других союзных республиках с низкой рождаемостью, не может служить свидетельством долгожданного изменения характера связи между благосостоянием и рождаемостью. Она имеет совсем другое происхождение. Это следствие приближения уровня рождаемости к своему нижнему пределу, который находится на уровне преобладающей однодетности семей. Поскольку от единственного ребенка добровольно почти никто не отказывается, по мере увеличения доли однодетных семей темпы сокращения рождаемости замедляются.

[1] См.: *Струмилин С. Г.* К проблеме рождаемости в рабочей среде. — Избр. произ. Т. 3, с. 138—142.

[2] См.: *Струмилин С. Г.* В космосе и дома. — Избр. произв. Т. 5. М., 1965, с. 308.

[3] См.: *Вострикова А. М.* Некоторые данные о рождаемости в СССР. — «Вестник статистики», 1962, № 12; *Вострикова А. М.* Методы обследования и показатели рождаемости в СССР. — В кн.: Вопросы народонаселения и демографической статистики, с. 36.

1967—1969 гг.[1] и 1972 г., а также исследования, проведенные в г. Жуковском в 1960 г.[2], в Ереване в 1963 г.[3], в Латвии в 1966—1967 гг.[4], на одном из промышленных предприятий Минска в 1970 г.[5], на 11 предприятиях в двух районах Москвы в 1970 г.[6], в г. Целинограде и сельской местности Целиноградской области[7], в Магадане[8] и др.

Из числа опубликованных наиболее представительны по своим масштабам результаты обследования «СССР-1969», в которых показатели идеального и ожидаемого числа детей в семьях рабочих и служащих дифференцированы не только по размерам душевого дохода, но одновременно и по уровню образования женщин (см. табл. 25). Следует отметить, что по данным названного обследования обнаруживается не только обратная связь планируемой рождаемости с душевым доходом семьи, но и вообще малая абсолютная величина ее в группах семей со средними и более высокими доходами (и с уровнем образования женщин выше начального). Среднее ожидаемое число детей в этих группах респондентов варьирует от 2,20 до 1,84, что недостаточно для простого замещения поколений в будущем. А ведь это социальные группы, которые

---

[1] См.: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 146—149.

[2] См.: *Таубер Н. А.* Влияние некоторых условий жизни на уровень брачной плодовитости. — В кн.: Проблемы демографической статистики, с. 135—139.

[3] См.: *Давтян Л. М.* О зависимости между благосостоянием и рождаемостью. — В кн.: Проблемы демографической статистики, с. 153.

[4] См.: *Шлиндман Ш., Звидриньш П.* Изучение рождаемости, с. 62.

[5] См.: *Шахотько Л. П.* Уровень рождаемости как функция удовлетворения материальных и духовных потребностей населения. — В кн.: Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Вып. 3, Минск, 1972, с. 85; *Шахотько Л. П.* Рождаемость в Белоруссии. Минск, 1975, с. 100.

[6] См.: *Киселева Г. П., Таубер Н. А.* Демографическое поведение населения г. Москвы (по материалам обследования). — В кн.: Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Вып. 5. Минск, 1974, с. 123; *Таубер Н. А.* Условия жизни семьи и среднее число детей. — В кн.: Демографический анализ рождаемости. М., 1974, с. 16.

[7] См.: *Желоховцева И. Н., Свиридова Л. Е., Шитиков Ю. Д.* О взаимосвязи брачной плодовитости молодых женщин с социально-гигиеническими условиями жизни семьи (по материалам Целиноградской области Казахской ССР). — «Советское здравоохранение», 1973, № 12, с. 34.

[8] См.: *Власов В. Д.* Некоторые демографические особенности в условиях Крайнего Севера (Магадан). — «Советское здравоохранение», 1975, № 5, с. 20.

уже составляют большинство населения нашей страны и удельный вес которых в населении будет расти и в дальнейшем. Поэтому эти данные указывают, по нашему мнению, на возможность дальнейшего сокращения уровня рождаемости (разумеется, если наблюдаемые в настоящее время закономерности не изменятся).

Нам известно только одно исследование, которое не показало существенной связи между размером душевого дохода и рождаемостью — исследование И. П. Катковой, проведенное в одном из районов Москвы в 1966 г. В этом обследовании в выборке из 400 семей однодетные семьи составляли 77%, с двумя детьми — только 13% и не было ни одной семьи с числом детей более двух. В семьях с одним ребенком не прослеживалась связь между рождаемостью, душевым доходом и образованием, а в семьях с двумя детьми различия в показателях между группами по доходу были настолько малы, что их можно было бы толковать как прямую связь между доходом и рождаемостью только формально[1]. Это, по-видимому, можно объяснить малочисленностью группы семей с двумя детьми (всего 51), разделенной к тому же на четыре подгруппы по размерам дохода. Такие малочисленные группировки не могут быть достаточными для выявления какой-либо действительной закономерности.

Положительная связь между доходом и рождаемостью наблюдалось только в четырех советских исследованиях[2].

[1] В группе с душевым доходом ниже 50 руб. 10,3% семей имели двух детей, с доходом 51—70 руб. — 14,0%, 71—100 руб. — 15,2%, больше 100 руб. — 12,5% (см.: *Каткова И. П.* Рождаемость в молодых семьях, с. 53).

[2] Это исследования, проведенные Г. А. Слесаревым в Горьком в 1962 г.; Отделом демографии НИИ ЦСУ СССР на четырех московских предприятиях в 1966 г.; обследование на одном из предприятий Минска в 1970 г. и крупнейшее бюджетное обследование ЦСУ СССР в сентябре 1972 г. (см.: *Слесарев Г. А.* Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР, с. 117; *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Мнения женщин о формировании семьи. — «Вестник статистики», 1968, № 8, с. 31; *Шахотько Л. П.* Уровень рождаемости как функция удовлетворения материальных и духовных потребностей населения. — В кн.: Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Вып. 3, с. 85).

В двух последних из названных исследованиях использовались одновременно оба показателя: и среднедушевой, и общий доход семьи. Поэтому они фигурируют дважды: как в группе исследований, показавших обратную связь душевого дохода с числом детей в семье, так и в группе исследований, показавших прямую (положительную) связь общего дохода семьи с числом детей.

Однако важно отметить, что во всех этих исследованиях в качестве группировочного факторного признака использовался не среднедушевой, а *общий доход семьи*. Это важное отличие, на которое почему-то редко обращают внимание при сопоставлении противоречивых результатов различных исследований дифференциальной рождаемос-

Таблица 25

Наилучшее и ожидаемое число детей в семье, по мнению опрошенных женщин, в зависимости от уровня образования и дохода на одного члена семьи «СССР—1969»

Группы по доходу на одного члена семьи	В среднем	в том числе по мнению женщин с уровнем образования			
		высшее и незаконченное высшее	среднее общее и специальное	неполное среднее	начальное и ниже
	Среднее идеальное число детей				
I	4,10	3,98	3,88	3,96	4,29
II	3,01	3,22	2,96	2,97	3,07
III	2,71	2,74	2,63	2,72	2,83
IV	2,58	2,56	2,53	2,63	2,68
V	2,57	2,51	2,54	2,64	2,77
В среднем	2,88	2,67	2,72	2,90	3,25
	Среднее ожидаемое число детей				
I	4,23	3,91	3,59	4,00	4,65
II	2,65	2,78	2,50	2,60	2,87
III	2,15	2,09	2,03	2,20	2,39
IV	1,92	1,84	1,84	2,01	2,17
V	1,87	1,71	1,85	2,03	2,15
В среднем	2,41	1,99	2,12	2,47	3,10

Примечание. Группы расположены в порядке увеличения дохода. В группу I включены семьи с самым низким доходом на одного члена семьи, в группу V — с самым высоким.

Источник. *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 146.

Результаты исследования в Москве в 1966 г. показали такую незначительную дифференциацию результативного признака, что говорить о какой-либо связи можно только формально. По данным этого исследования среднее идеальное и среднее ожидаемое число детей в группах семей с совокупным доходом брачной пары выше медианного уровня были несколько выше (1,92 и 1,77), чем в группах с доходом ниже медианного (соответственно 1,87 и 1,62). Авторы совершенно справедливо объясняют такую небольшую разницу однородностью обследованного массива (см.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Мнения женщин о формировании семьи. — «Вестник статистики», 1968, № 8, с. 31).

ти. Если же принять во внимание различия в видах факторных признаков, то становится ясно, что мы имеем дело не с одной и той же закономерностью «связи дохода с рождаемостью», проявляющей себя противоречиво, но с разными закономерностями, чаще всего довольно-таки однозначными.

Так, при использовании в качестве группировочного факторного признака дохода на одного члена семьи (среднедушевого дохода), как правило, проявляется обратная связь между ним и числом рождений или числом детей в семье (фактическим или ожидаемым). Это верно не только по отношению к результатам исследований в нашей стране, но и к зарубежным, хотя надо заметить, что в зарубежных исследованиях среднедушевой доход семьи используется в качестве факторного признака очень редко.

Таблица 26

Среднее планируемое число детей в семье в зависимости от чистого душевого среднемесячного дохода по данным выборочного опроса 3470 замужних женщин, проведенного в Чехословакии в 1972 г.

Доход в кронах	Процент женщин, планирующих иметь число детей						Среднее планируемое число детей
	0	1	2	3	4	5	
Менее 200	0,0	0,0	66,7	33,3	0,0	0,0	2,33
201—400	0,0	15,2	30,3	48,5	0,0	6,0	2,67
401—600	0,4	6,8	41,0	33,1	12,8	6,0	2,74
601—800	0,5	8,3	52,2	29,6	6,5	3,0	2,44
801—1 000	0,3	0,4	65,5	20,2	3,1	0,5	2,17
1 001—1 200	0,3	17,6	63,2	15,6	2,9	0,5	2,04
1 201—1 400	3,3	19,5	57,3	18,5	1,0	0,3	1,95
1 401—1 600	1,9	17,1	53,2	27,0	0,4	0,4	2,08
1 601—1 800	4,7	14,1	55,5	23,4	2,3	0,0	2,05
1 801—2 000	9,3	7,0	65,1	16,3	2,3	0,0	1,95
2 001 и более	17,8	13,3	46,7	17,8	2,2	2,2	1,87
В среднем	1,4	12,9	57,7	22,7	3,9	1,4	2,20

Источник. *Srb V., Kučerák J.* Prieskum o populačních problémach (1972). — «Demografie», 1974, № 2, s. 109.

В качестве примера зарубежного исследования можно привести крупный выборочный опрос 3470 замужних женщин в Чехословакии в 1972 г., который показал об-

ратную связь между чистым среднедушевым месячным доходом семьи и средним планируемым числом детей.

Кстати, стоит обратить внимание в табл. 26 на одну особенность ряда распределения по планируемому числу детей. По мере перехода от групп с низкими доходами к группам с высокими доходами среднее планируемое число детей тоже вначале увеличивается, с 2,33 в группе с доходом менее 200 крон в месяц до 2,74 в группе с доходом 401—600 крон, а затем довольно плавно снижается до минимума в группе с наиболее высокими доходами. Напрасно было бы строить на этом повышении числа детей какие-либо теоретические выводы о характере связи дохода с рождаемостью. Нетрудно убедиться, что это отклонение кривой распределения имеет случайный характер. Для этого нужно взглянуть на процентное распределение женщин в таблице, планирующих то или иное конкретное число детей.

Группы с наименьшими доходами явно малочисленнее других, особенно группа с доходом менее 200 крон. В этой группе случайно не оказалось ни одной женщины, предполагающей иметь менее двух или более трех детей. Поэтому и среднее планируемое число детей оказалось под влиянием случайного в какой-то степени распределения долей женщин, предполагающих иметь двух или трех детей. Напротив, в группе семей с доходом 401—600 крон резко выделяется относительно большой процент женщин, планирующих иметь четырех детей. Это также, несомненно, случайное повышение доли повлияло и на повышение среднего планируемого числа детей в группе с данным доходом.

Вообще крайние группы — с самыми низкими и с самыми высокими доходами — в экономически развитых странах с высоким уровнем жизни всегда, по-видимому, относительно невелики. Относительно малы они и в выборочных обследованиях. Поэтому следует более осторожно относиться к любым результативным средним величинам в крайних группах рядов распределения и не торопиться трактовать их как закономерность.

При использовании в качестве факторного группировочного признака общего дохода семьи или дохода мужа зависимость между этими факторами и показателями рождаемости (фактическими либо представляемыми в мнениях) в зарубежных исследованиях оказывается

в самом деле противоречивой: либо положительной, либо отрицательной, либо вовсе отсутствует. В частности, в американском исследовании GAF 1960 связь между размером годового дохода семьи и фактическим числом детей на момент обследования имела слабо выраженную параболическую форму: по мере перехода от групп с низкими доходами к группам с высокими доходами среднее число детей сначала увеличивалось с 2,2 до 2,5, а затем уменьшалось до 2,1 (в среднем 2,3). Такая же форма связи была и между годовым доходом семьи и ожидаемым числом детей [1].

При дифференциации по доходу мужа проявилась слабая прямая связь между доходом и фактическим числом детей (размах вариации от 2,1 ребенка в низшей группе по доходу до 2,5 в высшей), но слабая обратная связь с ожидаемым числом детей (размах вариации от 3,2—3,3 ребенка в низших группах по доходу до 3,0—3,1 в высших) [2]. Дифференциация этих показателей слишком мала, чтобы делать какие-либо определенные выводы о действительной форме связи.

В другом крупном американском обследовании — NFS 1965 в выборке белых женщин были найдены очень слабая обратная связь между ожидаемым числом детей и годовым доходом мужа и несколько более заметная обратная же связь между ожидаемым числом детей и общим доходом семьи. Значительно заметнее обратная связь проявилась в выборке негритянских женщин. Однако в этой выборке число женщин с высоким уровнем доходов относительно невелико [3].

Обратную зависимость между доходами мужа или общим доходом семьи и фактическим числом рождений обнаруживают и данные переписи населения США 1970 г. (табл. 27), причем как в городских, так и в сельских поселениях. Интересно, что по этим данным обратная зависимость между общим доходом семьи и числом рождений проявляется как среди всех семей, так и среди семей, в которых женщины-матери работают вне дома (в табл. показаны данные именно для таких семей). Здесь, по-видимому, проявляется влияние профессиональной квалификации женщин на их рождаемость. Чем выше профессиональная квалификация, тем выше их заработок (и соответственно общий доход семьи) и тем ниже рождаемость. Но все же нужно отметить и то, что размах вариации чисел рождений невелик. Это должно заставлять относиться с осторожностью к выводам.

---

[1] *Whelpton P. K., Campbell A. A., Patterson I. E.* Fertility and Family Planning in the United States, p. 107.

[2] *Там же,* с. 104.

[3] *Ryder N. B., Westoff Ch. F.* Reproduction in the United States, p. 60.

Таблица 27

Число рожденных детей на 1000 белых замужних женщин в возрасте 35—39 лет, живущих вместе с мужем, в зависимости от типа поселения, годового дохода мужа и общего дохода семьи в 1969 г.* по данным переписи населения США 1970 г.

Доход, долл.	Территория США в целом	Урбанизированные территории	Прочие городские поселения	Сельская местность
Годовой доход мужа				
менее 2 000	3 659	3 419	3 686	3 867
2 000— 2 999	3 841	3 533	3 875	4 022
3 000— 3 999	3 734	3 516	3 811	3 848
4 000— 4 999	3 599	3 471	3 550	3 711
5 000— 6 999	3 403	3 286	3 351	3 538
7 000— 9 999	3 294	3 237	3 195	3 443
10 000—14 999	3 271	3 220	3 262	3 412
15 000—24 999	3 225	3 170	3 267	3 398
25 000 и более	3 266	3 203	3 345	3 461
Общий доход семьи				
менее 2 000	3 324	2 986	3 631	3 530
2 000— 3 999	3 529	3 321	3 689	3 630
4 000— 4 999	3 470	3 280	3 733	3 488
5 000— 5 999	3 382	3 239	3 584	3 404
6 000— 6 999	3 429	3 381	3 357	3 493
7 000— 9 999	3 226	3 192	3 145	3 302
10 000—14 999	3 095	3 067	3 047	3 174
15 000—24 999	2 990	2 925	3 052	3 141
25 000 и более	2 911	2 784	3 118	3 198

---

* Взяты только семьи, в которых женщина работает вне дома.

Источник. Women by Number of Children Ever Born. 1970 Census of Population. Subject Reports, PC(2)-3A, 1973, p. 246—249, 273—280.

В то же время в ряде американских исследований дифференциальной рождаемости связь между доходом мужа и числом детей в семье (фактическим или ожидае-

мым) имеет U-образную форму, т. е. по мере перехода от групп с низкими доходами показатели рождаемости сначала снижаются, затем после некоторого уровня снова повышаются. Обычно это повышение происходит лишь в самых высших (чаще даже в самой последней группе) группах по шкале доходов при общей слабой вариации показателей рождаемости. В таких случаях, как отметила известный американский социодемограф Джудит Блэйк, «многие начинают думать, не является ли такая кривая первым предвестником того, что в будущем связь между доходом и рождаемостью станет положительной»[1]. По ее мнению, к которому мы присоединяемся, для таких прогнозов материалы проведенных исследований не дают оснований.

Во-первых, U-образная форма связи обычно проявляется при малой общей вариации результативного признака и, следовательно, уже вследствие этого имеет определенную вероятность быть случайной. Это имеет тем большее значение, чем ниже абсолютные величины показателей рождаемости, поскольку в этом случае увеличивается побочное влияние доли единственных детей, рождение которых мало зависит от материальных условий.

Во-вторых, численность респондентов в группе с самыми высокими доходами по вполне очевидным причинам обычно значительно меньше, чем в предшествующих группах (особенно в комбинационных группировках при большой дробности массива), и зачастую просто мала абсолютно. В таком случае среднее значение показателя рождаемости в этой группе в значительной степени подвержено случайному влиянию вследствие неоднородности группы по каким-либо другим признакам (при одинаковом доходе — по уровню образования, характеру занятия, национальности, вероисповеданию и т. п.).

Если в результате средняя величина показателя рождаемости в группе с самыми высокими доходами окажется случайно заниженной, кривая распределения показателей рождаемости будет иметь вместо U-образной формы «чистую» форму обратной связи и не вызовет интереса у энтузиастов прямой зависимости между доходом и рождаемостью. Когда же средняя в высшей группе по доходу случайно отклонится вверх, окажется завышенной,

[1] *Blake J.* Income and Reproductive Motivation. — «Population Studies», 1967, v, 21, № 3, p. 185.

тогда проявляется U-образная форма зависимости и на нее начинают ссылаться как на знамение будущих глобальных перемен во взаимоотношениях благосостояния и рождаемости.

Такая поспешность в выводах, с нашей точки зрения, иногда допускается и нашими демографами. Например, в обследовании, проведенном в Целинограде и сельской местности Целиноградской области Казахской ССР, авторы получили в группе городских женщин с высшим и средним образованием и среднедушевым доходом семьи менее 50 руб. коэффициент рождаемости 210,6 (на 100 женщин за 10 лет брачной жизни), а в группе с доходом более 50 руб. и с тем же уровнем образования — 237,4. Во всех других группах с более низким уровнем образования коэффициенты рождаемости у более обеспеченных женщин были ниже, чем у менее обеспеченных, т. е. связь в основном обратная. Тем не менее на основе одного частного результата авторы сочли «важным подчеркнуть, что у городских женщин с высоким уровнем образования наблюдается хотя и слабая, но уже прямая связь между материальной обеспеченностью семьи и показателями плодовитости»[1].

Такой вывод авторов можно объяснить только их горячим желанием отыскать долгожданную прямую связь между благосостоянием и рождаемостью, так как небольшая разница в двух показателях не может служить основанием для него. Разница могла быть следствием неоднородности групп с разным уровнем дохода и одинаковым уровнем образования по другим признакам, например по национальному составу. Выборка в исследовании состояла в основном из русских и казахских семей, рождаемость которых по данным того же исследования значительно различается[2].

Нам представляется, что при анализе результатов выборочных исследований факторов рождаемости, особенно когда выборка невелика, было бы правильнее не обращать внимание на отклонения показателей крайних групп

[1] *Желоховцева И. Н., Свиридова Л. Е., Шитиков Ю. Д.* О взаимосвязи брачной плодовитости молодых женщин с социально-гигиеническими условиями жизни семьи (по материалам Целиноградской области Казахской ССР). — «Советское здравоохранение», 1973, № 12, с. 34.

[2] За 10 лет в охваченных обследованием городских казахских семьях было 3,3 рождений, в русских — 2,1 (см. там же, с. 33).

ряда распределения (например, показателей групп с самым низким и с самым высоким доходом), если есть основания предполагать малочисленность (непредставительность) этих групп. Или по крайней мере не воспринимать эти отклонения буквально.

Наконец, при анализе формы кривой связи дохода с рождаемостью необходимо не упускать из виду и абсолютную величину показателей рождаемости. По какому-то совпадению (может быть, не случайному) прямая связь между доходом семьи или мужа обнаружена в исследованиях, проведенных в районах с низкой рождаемостью (высоким процентом однодетных семей). Так, например, в исследованиях, проведенных на промышленных предприятиях Горького в 1962 г. и на камвольном комбинате Минска в 1970 г., в которых была найдена прямая связь между общим доходом семьи и числом детей в ней, только в самых высших по доходу группах респондентов среднее число детей едва приближается к величине, необходимой для простого воспроизводства населения [1]. Обращая внимание только на форму зависимости между общим доходом семьи и числом детей, можно сделать вывод, что «чем выше общий доход семьи, тем чаще реализуется желание иметь детей» [2]. Но если обратить при этом внимание и на величину показателей, и на размах их вариации, то приходим к другому выводу, что прямая зависимость ничего не меняет в проблеме малодетности.

По данным крупнейшего исследования, проведенного ЦСУ СССР в 1972 г. и также обнаружившего прямую зависимость между общим доходом семьи и рождаемостью, число детей в семьях рабочих и служащих в республиках с низкой рождаемостью варьирует от 1,69 до 2,08 (табл. 28). Хотя формально зависимость между доходом и рождаемостью по этим данным (весьма надежным и представительным) выглядит положительной, было бы неправильно игнорировать тот факт, что в данном случае в группах семей рабочих и служащих с самым высоким доходом число детей в среднем ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Следовательно, если даже положительная связь между общим

[1] См.: *Слесарев Г. А.* Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР, с. 117; *Шахотько Л. П.* Рождаемость в Белоруссии, с. 101.

[2] *Там же.*

доходом семьи и рождаемостью действительно существует, то по результатам обследования 1972 г. получается, что эта связь все же слабая.

Таблица 28

Среднее число рожденных детей в зависимости от совокупного дохода семьи в республиках с относительно низкой рождаемостью по данным обследования ЦСУ СССР в 1972 г.

Месячный доход семьи, руб.	Все население	в том числе в семьях	
		рабочих и служащих (без работников совхозов)	колхозников и работников совхозов
Менее 150	2,01	1,77	2,22
151—210	1,94	1,69	2,37
211—300	1,91	1,72	2,51
301—450	1,95	1,79	2,67
451—600	2,05	1,88	2,89
601—900	2,19	1,96	3,04
901 и выше	2,49	2,08	3,23

Источник. *Сифман Р. И.* Влияние материального благосостояния на развитие семьи. — В кн.: Социально-экономические проблемы формирования и развития семьи. Ереван, 1975, с. 46.

Семьи отнесены к той или иной группе на основании принадлежности к ней члена семьи, попавшего в отбор. Включены женщины, занятые в общественном производстве в возрасте до 45 лет, состоящие в первом браке. Показатели стандартизованы по продолжительности брака.

Таким образом, все четыре советских исследования, зафиксировавшие положительную связь размеров дохода с числом детей в семье, не могут служить основанием для прогнозов, будто с дальнейшим повышением уровня жизни рождаемость повысится.

Тем более не могут, по-видимому, служить таким основанием материалы иследований, проведенных в капиталистических странах, и, в частности, исследований К. Шварца в ФРГ (1962 г.) и К. Эдина и Э. Хатчинсона в Стокгольме (1935 г.), на которые так часто ссылаются и в нашей литературе, и в международной как на аргумент [1]. В исследовании К. Шварца по материалам мик-

[1] См., например: *Сифман Р. И.* Изучение факторов, определяющих рождаемость, в современных зарубежных исследованиях. — В кн.: Статистика и электронно-вычислительная техника в экономике. Вып. 1. М., 1966; *Стешенко В. С.* Воспроизводство населения Украинской ССР. — В кн.: Вопросы демографии. Киев, 1968, с. 67; *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР, с. 125; Курс демографии. Изд. 2-е, с. 353 и 358; *Боярский А. Я.* Население и методы его изучения. М., 1975, с. 25 и 65; The Determinants and Consequences of Population Trends. V. 1, 1973, p. 99—100, и др.

ропереписи населения ФРГ 1962 г. была найдена положительная связь числа детей в семье с доходом мужа внутри выделенных им четырех социально-профессиональных групп.

С переходом от подгрупп с самым низким доходом мужа к подгруппам с самым высоким доходом среднее число рожденных детей (в расчете на 1000 браков) увеличивалось с 1402 до 1609 у служащих, с 1538 до 2197 — у чиновников, с 1698 до 1752 — у хозяев и самостоятельных работников и с 1710 до 1898 — у рабочих[1]. Как видим, и сами показатели рождаемости очень низкие, и размах вариации небольшой.

К. Шварц вначале было отметил, что «установленные различия в числе детей в семьях разных общественных групп говорят об истинной дифференциации лишь приближенно»[2]. Но далее он сформулировал различные гипотезы о причинно-следственных зависимостях дохода и рождаемости, не обращая внимания на величину и размах вариации показателей. Между тем, во-первых, неизвестно, как отметил А. Г. Волков, какие принципы легли в основу группировки по социально-профессиональным группам, и поэтому трудно судить, насколько четко они дифференцированы[3]. Во-вторых, небольшая величина показателей рождаемости (почти все ниже двух детей на одну брачную пару) и их слабая дифференциация говорят о значительной доле однодетных семей в выборке. Этот фактор вместе с вероятной социальной неоднородностью группировки мог также исказить случайным образом форму связи между доходом и рождаемостью.

Не могут, по нашему мнению, служить аргументом в пользу существования прямой зависимости между доходом семьи и рождаемостью и результаты другого часто упоминаемого в нашей литературе исследования, проведенного в 1930-х гг. в Швеции К. Эдином и Э. Хатчинсоном. Это обследование имело ряд методологических дефектов (в частности, не была учтена значительная часть рождений в малообеспеченных семьях; данные обследования относятся к периоду экономического кризиса и др.).

[1] См.: *Шварц К.* Число детей в семье в Западной Германии в зависимости от типа поселения и от социальной среды. — В кн.: Рождаемость и ее факторы, с. 95.

[2] *Там же,* с. 86.

[3] См.: *Волков А. Г.* Предисловие к книге «Рождаемость и ее факторы», с. 11.

Сами авторы признавали, что эти дефекты могли оказать влияние на результаты[1].

Итак, проанализировав результаты некоторых исследований, зафиксировавших положительную связь дохода с числом детей в семье и вызвавших определенный резонанс в демографической литературе, мы приходим к выводу о том, что, во-первых, многие из этих результатов недостаточно надежны статистически, во-вторых, вариация показателей рождаемости во многих из этих обследований, в частности проведенных в нашей стране и других европейских странах, невелика и исчерпывает себя в пределах уровня, недостаточного даже для простого воспроизводства населения в будущем.

Конечно, и факты обратной связи дохода с рождаемостью, теперь уже достаточно хорошо доказанные, сами по себе еще ничего не говорят о причинно-следственном механизме такой парадоксальной связи. Из того, что лучше обеспеченные семьи имеют меньше детей, чем хуже обеспеченные, отнюдь не следует, что именно потому они и имеют меньше детей, что лучше обеспечены. Однако факты обратной связи дохода с рождаемостью имеют ту теоретическую ценность, что способствуют разрушению привычного житейского представления о *непременно* положительной связи материальных условий жизни с рождаемостью.

Статистические факты обратной связи между размером дохода и числом детей в семье не означают, что по мере дальнейшего роста уровня жизни рождаемость будет непременно снижаться, но они заставляют думать, что и такой вариант прогноза нельзя исключать. Таким образом, если концепция положительной связи рождаемости с условиями жизни несет в себе самоуспокоенность, надежду на то, что «все само собой образуется, когда будет всеобщее изобилие», и поэтому отвлекает внимание исследователей от углубленного изучения данной проблемы, то концепция обратной связи будит беспокойство, наводит на мысль о необходимости активизации демографической политики и повышения ее научного уровня.

Столкновение двух концепций — прямой и обратной связи благосостояния с рождаемостью — способствовало

[1] *Edin K. A., Hatchinson E. P.* Studies of Differential Fertility in Sweden. London, 1935, p. 65.

развитию понимания относительности уровня жизни, понимания диалектической связи уровня жизни с развитием потребностей, т. е. понимания уровня жизни не только как категории экономической, но и как категории социально-психологической. И наконец, «парадокс обратной связи» разрушает привычные представления о естественно-биологическом характере потребности в детях, стимулирует научный интерес к изучению репродуктивной мотивации.

В этом, думается, и состоит положительное значение концепции обратной связи условий жизни с рождаемостью, потому что на самом деле между материальной обеспеченностью и числом детей в семье нет непосредственной связи, эта связь осуществляется через социальные нормы.

Исследователи дифференциальной рождаемости в прошлом (а многие и до сих пор) исходили из аксиоматического представления о рождаемости как о такой социально-биологической категории, в которой биологическое стремление человека к неограниченному размножению наталкивается на ограничивающие социальные условия.

Понимание рождаемости как продукта социально ограниченного, но в основе своей биологического «инстинкта размножения» наложило отпечаток и на методические приемы эмпирических исследований. Длительное время в исследованиях дифференциальной рождаемости показатели материальной обеспеченности сопоставлялись непосредственно с показателями рождаемости за короткие промежутки времени, предшествующие моменту обследования, не только минуя характеристики личности, но зачастую игнорируя и общее число детей в семье. То есть общее число детей в семье рассматривалось только как результат, но не как заранее определенная цель. Поэтому, вероятно, при изучении влияния материальных условий жизни на рождаемость внимание исследователей сосредоточивалось на материальном состоянии семьи в момент, непосредственно предшествующий конкретному рождению. Отсюда возникали и споры о величине временного лага, с учетом которого нужно сопоставлять показатели дохода и рождаемости.

В обследованиях ЦСУ СССР, проведенных в 1934 и 1960 гг., среднедушевой доход рассчитывался путем деления общего дохода семьи на число ее членов, включая и новорожденного. Многие исследователи увидели в этом серьезную методологическую ошибку, искажавшую представление о материальном положении семьи перед рождением ребенка. В последующих обследованиях, начиная с обследования в г. Жуковском, исследователи при определении среднедушевого дохода принимали в расчет число членов семьи за вычетом новорожденного. Однако это методологическое уточнение не изменило характера корреляционной связи между размерами дохода и рождаемостью: связь снова оказалась обратной.

Дальнейшее углубление понимания механизма причинно-следственных зависимостей между условиями жизни и рождаемостью происходит с середины 1960-х гг., когда начали использоваться методы опроса мнений женщин о числе детей в семье. Оказалось, что представления об окончательном числе детей в семье в среднем довольно устойчивы и фактические числа детей мало отличаются от планируемых. Поэтому показатели планируемого числа детей можно использовать вместо фактических показателей, даже с некоторым преимуществом, так как в силу своей малой изменяемости на протяжении жизни планируемые числа детей меньше зависят от структурных факторов, чем фактические.

Результаты опросов мнений женщин о числе детей показали также, что репродуктивные идеалы и планы формируются задолго до их осуществления, во многих случаях даже до вступления в брак[1]. Но если это так, то влияние условий жизни на рождение, скажем, второго ребенка начинается задолго до его зачатия и, возможно, задолго до вступления в брак. Следовательно, каждое рождение и общее число детей в семье являются результатом системы потребностей, взглядов и представлений, складывающихся в течение всей жизни, результатом всего жизненного опыта, а не только ситуации в момент, предшествующий зачатию ребенка. Отсюда проблема временного лага при сопоставлении показателей материального благополучия с числом детей в семье (фактическим или планируемым) вырисовывается уже значительно более сложной, чем представлялось раньше. По-видимо-

[1] См., например., *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 55—56; *Чуйко Л. В.* Браки и разводы. М., 1975, с. 110, и др.

му, чтобы понять, как формируется предпочтение определенного числа детей в связи с влиянием материальных условий жизни, необходимо проводить продольные динамические наблюдения не только демографической, но и экономической жизни семей.

Это, конечно, чрезвычайно трудная задача. Но, в какой-то степени, а может быть, даже более успешно ее можно решить, если обратиться не только к прошлому семьи, но и в то будущее, которое намечает для себя сама семья. Вполне очевидно, что репродуктивные планы и намерения — это только часть жизненных планов и намерений семьи в достижении определенного материального благополучия, получения образования, удовлетворения духовных потребностей и т. п.

Каждая семья и каждый человек в отдельности, вероятно, имеют более или менее отчетливое представление о той степени материального благополучия, которого стоит добиваться исходя из субъективной оценки своих потребностей и способностей. Поэтому представляется интересным исследовать связь желаемого и ожидаемого числа детей не с доходом, получаемым на момент обследования, а с ожидаемым доходом, т. е. таким, которого супруги намерены достигнуть. Думается, что именно этот ожидаемый доход, а не только фактический влияет на ожидаемое число детей.

Это, конечно, гипотеза, но некоторые данные говорят в пользу нее. Так, в чехословацком опросе 21-летних женщин на вопрос анкеты о том, какой по мнению женщин размер дохода необходим для содержания семьи с двумя детьми, ответы различались в зависимости от социальной принадлежности респонденток [1]:

Социальная принадлежность	Общий месячный доход, необходимый, по мнению опрошенных женщин, для содержания семьи с двумя детьми, крон
Работницы	2 900
Служащие	3 140
Студентки	3 240
Домашние хозяйки	2 680

У студенток и служащих несколько выше представление о размерах необходимого дохода, чем у работниц и

[1] *Wynnyczuk V.* Socio-ekonomické vztahy a planovaná velikost rodiny (výsledky průzkumu 21-letých žen). — «Demografie», 1969, № 4, s. 308.

домашних хозяек. По-видимому, в этих цифрах отражаются различия в уровнях потребностей, которые, в свою очередь, определяются уровнем образования.

Важное значение для раскрытия механизма действия обратной связи между благосостоянием и рождаемостью имеет растущее среди демографов понимание относительности самого понятия благосостояния, которое следует рассматривать не только как сумму некоторых материальных благ, но относительно как степень удовлетворения материальных и культурных потребностей населения (А. Д. Кузнецов, 1960; Б. Ц. Урланис, 1963; В. С. Гельфанд, 1968; В. П. Пискунов, 1969; Ш. И. Шлиндман, П. П. Звидриньш, 1973, и др.). Отсюда следует, что номинальная величина дохода еще не дает представления о благосостоянии семьи без учета различий в уровне потребностей и динамики их развития.

Весьма простую и вместе с тем наглядную модель, выражающую относительный характер уровня жизни и его взаимосвязи с рождаемостью, предложил В. С. Гельфанд. Он представил степень удовлетворения потребностей в виде отношения $\frac{C}{П}$, где C — масса жизненных средств, находящихся в распоряжении семьи, а $П$ — размер потребностей. Рост C означает абсолютное увеличение объема материальных благ, но одновременно или вслед за этим возрастают и потребности. Поэтому при возрастании объема материальных благ дробь $\frac{C}{П}$ может и не увеличиваться, если потребности растут теми же темпами, или даже уменьшаться, если рост потребностей обгоняет рост объема материальных благ. Таким образом, между материальными условиями жизни и рождаемостью возможна как прямая, так и обратная зависимость. Уровень рождаемости может быть обратно пропорциональным величине C, но прямо пропорциональным отношению $\frac{C}{П}$[1]. Следовательно, при анализе влияния динамики жизненного уровня на динамику уровня рождаемости необходимо учитывать и темпы роста жизненного уровня, и темпы роста уровня потребностей.

[1] См.: *Гельфанд В. С.* Демографическая ситуация в крупном городе (на примере города Перми). — В кн.: Вопросы демографии. Киев, 1968, с. 137.

Однако, какие же выводы и предположения относительно перспектив рождаемости можно сделать на основании такой гипотезы? Видимо, можно представить себе такие темпы роста уровня жизни, при которых разрыв между уровнем потребностей и уровнем материальной обеспеченности будет сведен к стабильному минимуму. Но все же, каким бы малым ни оказался бы этот разрыв, он всегда будет существовать (хотя, конечно же, на совершенно другом *качественном* уровне, чем сегодня), так как именно опережающее развитие потребностей служит стимулом для развития производительных сил и производственных отношений. Таким образом, ситуация выбора — ребенок (не первый) или другие блага жизни — останется и в будущем.

Многие авторы полагают, что эта дилемма разрешится сама собой в будущем, когда общество достигнет определенного насыщения материальных потребностей и конкуренция вещей и детей исчезнет. Наиболее крайнее свое выражение это мнение получило в «экономической модели развития населения» польского экономиста З. Смолиньского[1], который высказал предположение, что после достижения прожиточного максимума (он говорит даже о возможности превышения этого максимума) уровень жизни уже не будет воздействовать ограничивающе на рождаемость. По его мнению, после того как «удовлетворены все потребности, возросший доход направляют на содержание большего числа детей»[2]. Действительно, материальные потребности имеют ограниченную эластичность. По достижении определенного уровня насыщения количественный рост материальных потребностей будет замедляться (хотя какой-либо «максимум» вряд ли возможен). Однако при этом будет продолжаться теми же темпами (или даже с ускорением) *качественное* развитие тех же материальных потребностей. И затем, если можно предположить замедление темпов роста материальных потребностей, то невозможно представить подобное замедление в отношении культурных потребностей, рост которых безграничен.

И. С. Кон пишет, что по мере удовлетворения материальных потребностей «и по мере развития человеческой личности на первый план выходят другие, более сложные духовные потребности. Эти высшие потребности действительно безграничны, но это потребность не в вещах, а в определенной жизнедеятельности»[1]. Думается, что такая смена «конкурентов» ничего не изменит в проблеме малодетности. Совершенно бескорыстная производственная, общественная или научная деятельность могут быть, вероятно, значительно более серьезными конкурентами среднедетности, чем автомобиль, мебель и тому подобные вещи. И не только могут в будущем, но уже и сегодня в большом числе случаев конкурируют с числом детей в семье, внося свою лепту в дифференциальную рождаемость.

Думается, что главное в проблеме обратной связи уровня материальной обеспеченности с числом детей — это объяснить, каким образом происходит выбор в пользу удовлетворения той или иной потребности (в том числе и потребности иметь ребенка определенной очередности) среди других потребностей, ждущих своего удовлетворения. Для этого мы должны обратиться к изучению структуры систем ценностей и социальных норм, управляющих человеческим поведением, в том числе и репродуктивным. Здесь же хочется обратить внимание на то, что если относительно более обеспеченные семьи отказывают себе в рождении третьего или второго ребенка или, что более вероятно, не имеют в нем потребности, то никакое повышение благосостояния само по себе не создаст эту потребность. Поэтому правы, как нам кажется, те авторы, которые подчеркивают необходимость научного *управления потребностями*[2]. Конечно, это чрезвычайно сложная и деликатная проблема, но ее решения, думается, нельзя миновать.

Жилищные условия как фактор рождаемости. Вопрос о связи жилищных условий с рождаемостью можно было бы рассмотреть в предыдущем параграфе, поскольку размер и качество жилищных условий наряду с доходом являются одними из главнейших показателей благосостояния семьи. Именно как один из показателей благосостояния жилищные условия и включаются в число факторов

---

[1] См.: *Смолиньский З.* Попытка сформулировать общую экономическую модель развития населения. — В кн.: Теоретические проблемы демографии. М., 1970, с. 63—77.

[2] *Там же,* с. 76.

[1] *Кон И. С.* Социология личности. М., 1967, с. 294.

[2] См.: *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР, с. 154.

рождаемости. Но, так как в эмпирических исследованиях факторов рождаемости жилищные условия рассматриваются чаще всего как обособленный фактор, представляется целесообразным и здесь рассмотреть этот вопрос отдельно.

В советских исследованиях дифференциальной рождаемости изучению влияния жилищных условий на рождаемость всегда уделялось большое внимание. Большинство эмпирических исследований факторов рождаемости включает в программу и показатели, характеризующие тип и размер жилища. Результаты и методология этих исследований обсуждались в работах С. Г. Струмилина, М. В. Птухи, Б. Ц. Урланиса, Д. Л. Бронера, Г. Д. Платонова и многих других исследователей. Но до сих пор ученые не пришли к единому мнению о механизме влияния жилищных условий на рождаемость.

Большинство исследований обнаруживают обратную связь между *среднедушевыми размерами жилой площади* и показателями рождаемости (или числом детей в семье). Среди таких обследований можно назвать обследования, проведенные ЦСУ СССР в 1934 и 1960 гг., а также исследования, проведенные Н. А. Таубер в г. Жуковском, Л. М. Давтяном в Ереване, Ш. И. Шлиндманом и П. П. Звидриньшем в Латвийской ССР, и др.

Таблица 29

Среднее число детей в семье в зависимости от общего размера жилой площади по данным обследования «Латвия-1966-1967»

	Республика в целом	Городские поселения	Сельские поселения
Все семьи	1,39	1,29	1,68
в том числе с жилой площадью, м²:			
до 10	1,02	0,95	1,36
10—15	1,16	1,11	1,41
15—20	1,21	1,14	1,56
20—25	1,35	1,25	1,55
25—30	1,45	1,37	1,68
30—35	1,48	1,40	1,78
35—40	1,54	1,41	1,80
40—45	1,58	1,51	1,72
45—50	1,66	1,59	1,75
50—60	1,79	1,67	1,90
60 и выше	1,74	1,48	1,87

Источник. *Шлиндман Ш., Звидриньш П.* Изучение рождаемости, с. 68.

Ряд исследований находят прямую связь между показателями рождаемости (или числом детей в семье) и *общим размером* жилой площади семьи. Это, в частности, исследование в Горьком [1] и в Латвийской ССР (табл. 29), где одновременно в качестве факторного признака использовались показатели душевых и общих размеров жилой площади.

В некоторых исследованиях была найдена положительная зависимость между числом детей и типом жилища, т. е. у проживающих в отдельной квартире число детей в среднем было больше, чем у проживающих в коммунальной квартире («СССР-1960», «Жуковский-1960», «Москва-1970» и др.). В других обследованиях связь между этими же показателями оказалась обратной, т. е. в общих квартирах детей в среднем оказалось больше, чем в отдельных («Ереван-1963»).

Некоторые исследователи пытаются использовать для характеристики жилищных условий обобщенные синтетические показатели или различные другие критерии. Однако результаты многих исследований и в этом случае снова оказываются противоречивыми [2].

Причину противоречий в результатах многие исследователи справедливо усматривают в несовершенстве методологии исследований, но основные пути усовершенствования ищут в разработке показателей жилищных условий, уделяя значительно меньше внимания показателям, которые характеризовали бы самих респондентов (по социальному положению, уровню образования, дохода и т. п.). В литературе справедливо обращается внимание на недостатки использования в качестве факторного признака такого показателя, как среднедушевой размер жилой площади, который сам зависит от числа членов семьи. Но и показатель общего размера жилой площади не свободен от этого недостатка, поскольку жилая площадь распределяется прямо пропорционально числу членов

[1] См.: *Слесарев Г. А.* Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР, с. 120.

[2] См., например: *Ланшина В. М.* К методике изучения влияния жилищных условий на рождаемость. — В кн.: Вопросы демографии, с. 123; *Зотина Р. К.* О некоторых социально-экономических факторах, влияющих на размеры рождаемости. — «Здравоохранение Российской Федерации», 1972, № 6, с. 25; *Кравченко Н. А.* Социально-гигиенические аспекты регулирования рождаемости в семьях русских и казахов. Автореф. канд. дис. М., 1973, с. 16.

семьи. Таким образом, причина и следствие в этом случае так же могут меняться местами, как и при использовании среднедушевых размеров жилой площади.

Необходимо отметить, что за исключением обследований, проведенных ЦСУ СССР, и обследования в Латвийской ССР все остальные очень локальны и не претендуют на какие-либо обобщения. В большинстве из них не используются возможности комбинационных группировок из-за небольшой численности обследованных совокупностей населения. Кроме того, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что эти исследования проводились в основном на территориях с очень низкой рождаемостью (Москва, Горький, Латвийская ССР и др.) [1]. Поэтому трактовка вариации показателей рождаемости в результатах этих исследований требует известной осторожности, так как эта вариация находится под влиянием высокой доли однодетных семей в совокупностях, охваченных наблюдением. И делать вывод о возможном повышении рождаемости под влиянием улучшения жилищных условий на основе данных, показывающих весьма слабую вариацию низких показателей рождаемости (даже в самых лучших жилищных условиях, как правило, не превышающих двух детей на семью), было бы ошибочным.

Думается, что главный недостаток мотодологии изучения связи рождаемости с жилищными условиями отнюдь не в качестве показателей жилищных условий. Конечно, ценность использования единого синтетического показателя, характеризующего размеры и качество жилплощади, не вызывает сомнений. Однако только этого недостаточно. Основной недостаток проведенных до сих

[1] В обследовании «Горький-1963» самое высокое число детей в среднем на одну женщину равнялось 2,1 (см.: *Слесарев Г. А.* Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР, с. 120).

В обследовании «Москва-1970» среднее число детей у женщин, проживающих в отдельной квартире, составляло 1,08, а у женщин, проживающих в коммунальной квартире, — 0,97 (см.: *Киселева Г. П., Таубер Н. А.* Демографическое поведение населения г. Москвы (по материалам обследования). — В кн.: Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Вып. 5, с. 123—124). Авторы трактуют этот результат как свидетельство прямой зависимости рождаемости от вида занимаемого жилья (см. там же, с. 123). Но, думается, правильнее было бы трактовать такую микроскопическую разницу в чрезвычайно низких показателях рождаемости как указание на отсутствие какой-либо связи рождаемости с жилищными условиями (в данном конкретном случае).

пор исследований, как нам представляется, состоит в том, что исследователи фактически ищут *непосредственную* связь между жилищными условиями и рождаемостью, аксиоматически полагая одинаковую потребность в детях у респондентов, а также не учитывая и социальные различия в жилищных потребностях.

В исследованиях пока не делается попытки сопоставить *степень удовлетворения жилищными условиями* (которая может быть выражена той же формулой В. С. Гельфанда как отношение размера и качества жилищных условий к размерам потребностей в этих благах) с представлениями об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей в семье. Думается, такой способ был бы плодотворнее в изучении репродуктивной мотивации в связи с жилищной мотивацией вместо изучения влияния «жилищных условий на рождаемость».

Конечно, влияние лучших жилищных условий на число детей в семье не может быть отрицательным. Здесь здравый смысл нас не подводит. Но и положительное влияние на рождаемость, которое может оказать повышение степени удовлетворения жилищных потребностей, ограничено некоторым верхним пределом, и этим верхним пределом является желаемое число детей. Если желаемое число детей в семье достигнуто (а оно может быть равно и нулю), то даже полное удовлетворение жилищных потребностей не приведет к повышению рождаемости.

Однако даже те немногие исследования мнений о желаемом числе детей в семье показывают, что в республиках с низкой рождаемостью фактическое число детей в значительной части населения меньше желаемого. Это значит, что дифференцированное улучшение жилищных условий могло бы стать одним из инструментов демографической политики. В частности, представляется весьма целесообразным оказание государственной материальной и жилищной помощи молодой семье на самом трудном этапе ее формирования — сразу после образования и после рождения первого ребенка.

Такая помощь могла бы оказываться не только в виде ряда льгот по улучшению жилищных условий, но и в виде предоставления молодоженам банковского кредита на приобретение кооперативной квартиры и обзаведение хозяйством с частичным погашением ссуды при рожде-

нии каждого ребенка в определенные сроки. Такая мера уже осуществляется в ряде других социалистических стран (ГДР, Чехословакия).

В настоящее время система распределения жилой площади в нашей стране не принимает во внимание вероятность увеличения семьи и этим, возможно, сдерживает рождаемость. Но, думается, не только распределение, но и проектирование структуры жилищного строительства в настоящее время фактически влияет в сторону распространения малодетности. В самом деле, если решение проблемы рождаемости состоит в том, чтобы преобладающим типом семьи стала семья с тремя-четырьмя детьми, то, следовательно, и основным типом квартиры должна быть квартира из пяти-шести комнат. Между тем по данным выборочного исследования, проведенного В. М. Петропавловским, в новом государственном жилом фонде четырехкомнатные квартиры составляют пока всего 5,6%, а из пяти и более комнат — менее 0,1% (табл. 30). Думается, такая структура жилищной застройки невольно способствует распространению малодетности и вообще уменьшению размера семьи.

Таблица 30

Структура квартир по числу комнат и структура семей по числу членов в новом государственном жилом фонде по данным выборочного обследования 37 тыс. квартир в городах РСФСР, %

	1960 г.	1972 г.
Типы квартир:		
однокомнатные	30,3	20,4
двухкомнатные	58,8	47,5
трехкомнатные	10,7	26,5
четырехкомнатные	0,2	5,6
пять и более комнат	—	0,0
Типы семей:		
одиночки и семьи из двух человек	17,0	22,8
семьи из трех человек	25,2	28,3
семьи из четырех человек	30,4	30,8
семьи из пяти человек	20,6	13,2
семьи из шести и более человек	6,8	4,9

Источник. *Петропавловский В. М.* Количественная характеристика жилищных условий населения. — В кн.: Демографические процессы и социально-экономические факторы. Труды МЭСИ. М., 1975, с. 120.

Уровень образования и рождаемость. Во всех без исключения отечественных эмпирических исследованиях факторов рождаемости была зафиксирована обратная связь уровня образования женщин с показателями рождаемости (или числом детей в семье, фактическим и планируемым).

Обратную связь числа детей в семье с уровнем образования матерей показывают и данные Всесоюзной переписи населения 1970 г.[1]. При этом можно отметить существенную разницу в числе детей между городскими и сельскими женщинами во всех союзных республиках при одинаковом образовании, а также значительные этнические различия. Разница в числах детей тем больше, чем выше само число детей. Следует также отметить, что в большинстве союзных республик среднее число детей у городских женщин с образованием выше среднего не только меньше, чем у менее образованных, но и просто мало для простого воспроизводства населения в будущем. За исключением Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Армении и Туркмении, во всех других республиках оно менее двух на одну мать.

Относительно низкую рождаемость у городских женщин со средним и более высоким уровнем образования отмечают и данные крупнейших советских выборочных обследований, проведенных ЦСУ СССР. Так, по данным обследования «СССР-1967» в семьях рабочих и служащих число рождений к 40 годам у женщин со средним и более высоким образованием во всех когортах было менее двух (в расчете на одну женщину).

Несколько ранее в книге, в табл. 25 на с. 133, были представлены результаты обследования «СССР-1969», показывающие, что и репродуктивные планы женщин со средним и более высоким образованием, имеющих среднедушевые размеры дохода семьи также средние и выше, довольно скромны.

Многие демографы высказывают предположение, что в будущем дифференциация рождаемости по образованию будет уменьшаться как в результате сокращения различий в уровне образования всего населения, так и в результате сближения образа жизни, привычек и стремлений семей всех социальных групп нашего общест-

[1] См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII, с. 452—453.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Владимир Александрович Борисов

ПЕРСПЕКТИВЫ РОЖДАЕМОСТИ

Редактор *Л. Л. Щербакова*

Мл. редактор *И. Ю. Кателевская*

Корректоры *Я. Б. Островский, З. С. Кандыба*

Техн. редактор *Г. А. Полякова*

Худ. редактр *Т. В. Стихно*

Переплет художника *И. И. Карпикова*

Сдано в набор 4/VI 1976 г. Подписано к печати 27/X 1976 г.
Формат бумаги 84×108/32 Бумага № 3 Объем 7,75 печ. л.
Уч.-изд. л. 14,16 Усл. п. л. 13,02 Тираж 11000 экз.
А 15012 (Тематич. план 1976 г. № 28)
Заказ № 1712 Цена 99 коп.

Издательство **«Статистика»**, Москва, ул. Кирова, 39.

Великолукская городская типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Псковского облисполкома, г. Великие Луки. ул. Полиграфистов, 78/12